

Его величество Еммануил

Ирина
МЕЛЬНИКОВА
Георгий **ЛАНСКОЙ**

Лик Сатаны

Его величество случай

Ирина Мельникова

Лик Сатаны

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мельникова И. А.

Лик Сатаны / И. А. Мельникова — «Эксмо», 2015 — (Его величество случай)

В ее жизни ничего не осталось, лишь усталая обреченность и пустота. Саша была оскорблена и унижена, а гордость ее растоптана. Что ей дала эта борьба за правду и справедливость, кроме стыда и мук совести? Эта история обнажила столько скелетов в шкафу!.. Получается, Сашин дед был далеко не праведником. И зачем только она затеяла расследование его гибели, втянув в него журналистов Никиту Шмелева и Юлию Быстрову и подставив их всех под пули? Когда на свет вышло темное прошлое ее деда, стали выясняться чудовищные подробности... Что же теперь делать – остановиться на полпути? Нет, Саша все же должна узнать, за что его убили. Похоже, и ее бабушка погибла под колесами лихача вовсе не случайно... А все началось, когда бабушке, работавшей в музее, принесли на экспертизу икону и она сразу заметила: лик святого был переписан...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мельникова И. А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1	17
Глава 2	21
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	36
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Ирина Мельникова, Георгий Ланской

Лик Сатаны

© Мельникова И., Ланской Г., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Пролог

1938 год. Карпаты

Раннее утро занималось над горами, скрытыми синей дымкой. После ночного дождя огромные камни в серых пятнах лишайников были скользкими и холодными, но среди них виднелась едва заметная тропинка, пробитая среди мхов и зарослей жерепа¹.

Темные стволы смерек – огромных елей – проступали сквозь туман – звуки шагов плавились в нем и пропадали. Сыро и зябко было вокруг, но отец Павел не замечал этого. Нужно было до восхода солнца дойти до вершины и вернуться в храм к утренней службе. Из-за дождей он три дня не поднимался в часовню и беспокоился, что ее залило водой. Старенькая ряса намочила и облепляла ноги, замедляла ход. Иногда он останавливался, опирался на посох и осматривался окрест. С еловых лап свисали седые лохмы мха-бородача, листья, траву покрывала роса, туман клубился среди деревьев, цеплялся за ветви и кусты. Дышалось тяжело, воздуха не хватало, чем ближе к вершине, тем чаще останавливался отец Павел и тем дольше переводил дыхание.

С Пасхи, когда сошли густые снега, завалившие дороги в долину, его не покидала тревога – неясная и оттого более болезненная, которая отнимала силы. Прихожане приносили вести снизу. И вести эти – противоречивые, смутные и поэтому страшные, вероятно, и породили тревогу.

Люди шептались о хлопаках, что нападали на польские имения, поджигали их и расправлялись с владельцами, убивали поветовых чиновников и местечковых старост, пограничников и полицейских. Это они расправились с польской учительницей на глазах учеников, а после сожгли школу, подперев двери бревном, а тех детишек, что пытались выбраться из окон, забивали бартками² и хохотали... Хохотали!..

Отец Павел перекрестился и перевел дыхание. До вершины оставалось совсем ничего, а силы почти оставили его. Он скользил по мокрой глине, хватался за ветки и с трудом преодолел последние метры тропы. Ели расступились, открыв взгляду нагромождение камней, затянутых можжевельником. Часовенка с этого места была не видна, но через десяток шагов покажутся из-за скальных обломков сначала крест, затем луковка, а потом и она сама, установленная на перевале рядом с разрушенной польской каплицей³ и каменным крестом.

С каждым годом ему становилось все тяжелее подниматься к часовне, и он знал, что когда-нибудь не сможет этого сделать. Все чаще давала знать о себе раненая нога, и легкие, тронутые немецким хлором, плохо справлялись с разреженным воздухом высокогорья.

Задыхаясь и шепча молитвы, отец Павел наконец миновал камни и опустился возле входа в часовню на чурку, которую неизвестно кто принес на вершину. В ясную погоду отсюда открывался вид на широкие полонины, на гуцульские села и хутора, на круглые колыбы пастухов и бесконечные поскотины, которые разделяли выгоны для скота.

Но сейчас, в последние минуты перед восходом солнца, полонины и горы ниже тонули в тумане. Мрачные горги⁴, суровые скалы, колючий чагарник⁵ и цепкий яловец⁶, свинцовые тучи над головой только усиливали тревогу. Ледяной ветер, который то и дело менял направление, пронизывал ветхую рясу насквозь. От его порывов не спасали ни стена часовни, ни нагро-

¹ Карпатская сосна.

² Гуцульские топоры.

³ Часовня (польск.).

⁴ Камни.

⁵ Хвойный стланик.

⁶ Можжевельник.

мождения камней. Ветер свистел между ними, заливался на все лады – чувствовал себя безраздельным хозяином угрюмой каменной пустыни.

Отец Павел изрядно замерз, но сил не было даже подняться, чтобы войти в часовню. Где-то далеко прокричал черный ворон крук, возвестил зарю, но звуки тотчас утонули в тумане.

Священник оперся на посох, с трудом, но встал на ноги. Накануне ему исполнилось сорок пять лет, но он ощущал себя глубоким стариком. Все это – следствие войны: и поврежденная в бою нога, и отравленные легкие, и грубый шрам на спине. Вспоминать о нем не хотелось вовсе. Осенив себя крестом, он вошел в часовню. Остановился перед иконой Божией Матери Всех Скорбящих Радость и, шепча молитву: «*О, Пресвятая и Премилостивая Владычице Богородице! Припадая ко святей иконе Твоей, смиренно молимся Тебе...*», убрал огарки свечей, зажег новые.

Тусклое пламя трепетало от сквозняка, проникавшего в щели между камнями. Двадцать лет назад отец Павел сложил эту часовню в память павших на перевале русских солдат – его боевых товарищей.

Первая мировая война. Тяжелая зима 1915 года... Русские войска вынуждены были оставить Галицию под ударами немцев и австро-венгров. Не было снарядов к орудиям, не хватало патронов. Лошади пали, одни – от вражеских пуль, другие – от бескормицы, и артиллеристы тащили горные пушки на себе. Изо дня в день шли кровавые бои, изо дня в день – изнуряющие многомильные переходы, бесконечная усталость, голод, короткий тревожный сон на камнях. То страшные бури – шарги, которые сбивали с ног живых и засыпали снегом мертвых русских солдат, то сутки напролет дожди со снегом... То редкая надежда, то беспросветная тоска...

Тяжелые встречные бои на горных перевалах затянулись на два месяца. Но русская армия под командованием генерала Брусилова подтянула резервы и провела успешное наступление на Восточном фронте. Австрийские войска понесли тяжелые потери и оставили значительную часть Галиции, Волыни и Буковины.

«... Чужой уют... Увы, не в первый раз
Влезаем мы в покинутые гнезда...
Кто у окна, не осушая глаз,
В последний час сквозь сад смотрел на звезды?
Кто вырос здесь, в узорном городке,
Под сенью лип и старого костела?..
Фонарь дрожит в протянутой руке,
Нырнула мышь у шкафа в щелку пола...»

Отец Павел не знал, кому принадлежали эти стихи. Но их читал Вадим, там, в Черновицах, за неделю до того, как русские войска покинули этот город, и за месяц до взятия Перемышля. И всякий раз, всплывая в памяти, они причиняли тягучую боль, терзали душу, как поврежденная в давнем бою нога.

... Штабс-капитан, разрыв до дна чулан,
Вернулся с книжкой и смеется: «Чехов!»
Спирт – на столе. Кряхтит старик-диван.
Закуска? Хлеб и горсти две орехов...
А завтра вновь отхлынем мы назад,
И может быть, от этого уюта
Останется обугленный фасад, –

И даже мышь не сыщет здесь приюта...»⁷

Буковина и ее жемчужина – Черновицы... Город, который называли «маленькой Веной». Город художников и поэтов, романтиков и музыкантов. Воскресный день здесь начинался с «Музыки ангелов» Моцарта, а заканчивался дуэлью. Город, где тротуары подметали букетами роз, а книжных магазинов было больше, чем кофеен. Город, в котором собак называли именами олимпийских богов, а ветер разносил по улицам листы бумаги со стихами знаменитых поэтов...

Стояла ясная, по-весеннему теплая погода. Зеленела трава на лужайках. Цветочницы улыбались и кокетничали, продавая желтые нарциссы и букетики белых цветов – нежных, как фата невесты...

До сих пор звучал в его ушах цокот копыт по брусчатке, а перед глазами возникали мирные картины из прошлого. Черновицы словно не знали войны – дорогие экипажи, красивые женщины в роскошных нарядах, изысканные кавалеры, франтоватые русские офицеры, вальсы Штрауса и Шуберта на театральных подмостках и на балах местной знати, запахи свежих пирожных и только что сваренного кофе из маленьких кофеен...

Павел Гордеев успел до той поры повоевать почти полгода нижним чином, получил легкое ранение в руку, глотнул немецкого хлора под Барановичами, но сбежал из госпиталя снова на фронт. Но до своего полка, который перебросили под Ригу, так и не добрался. В конце января пятнадцатого года неожиданно встретил на вокзале в Белостоке Вадима Лясковского, который учился вместе с ним на механическом факультете в Санкт-Петербургском политехническом институте, но двумя курсами старше. В августе четырнадцатого оба ушли на фронт добровольцами. Они были ровесниками, но общались мало, а тут бросились друг к другу, как давние товарищи, обнялись и троекратно расцеловались. Причем Вадим окликнул его первым, и Павел не сразу признал старого знакомого в щеголеватом капитане с рукой на перевязи.

Это Вадим уговорил его идти служить в штурмовой взвод, который он формировал из крепких солдат-гренадеров, успевших понюхать пороху, ходивших в атаки и умевших постоять за себя в рукопашных схватках.

– Слышал, ты гимнастикой занимался, – сказал Вадим и сжал его плечо здоровой рукой. – Мне такие люди вот как нужны! – и чиркнул себя ладонью по горлу.

Павел немедленно согласился и вскоре уже находился на передовой в каске, вооруженный трехлинейкой и бебутом – кривым артиллерийским кинжалом. Вместе с командиром и четырьмя унтер-офицерами их было пятьдесят человек – сильных и выносливых парней. Каждому полагалось по восемь гранат, десять обойм патронов и стальной щит для защиты от пуль – один на два гренадера. Павла, как без пяти минут механика, приставили к бомбомету. И он со своим расчетом усердно направлял снаряды на вражеские позиции, разрушал полевые укрепления и убивал массу людей вокруг.

Но в сентябре он был ранен в схватке с сичевыми стрельцами, напавшими на штурмовой взвод под утро. Ночь выдалась необыкновенно холодной. Иней лежал на траве и камнях. Огромные звезды бесстрастно глазели на людей в истрепанных шинелях. Солдаты, прижавшись друг к другу, забылись в тяжелом сне. Костров не разжигали, чтобы не выдать врагу свое присутствие. Взвод получил приказ удержать перевал во что бы то ни стало, пока не подтянутся свежие силы, чтобы выбить австрийцев с занимаемых ими позиций.

Несколько суток без горячей пищи, в мокром обмундировании могли сломить кого угодно, но ни вздоха отчаяния, ни бранного слова, ни одного негодующего взгляда. Все, от командира до рядового, понимали: есть приказ, и он не обсуждается, а отступление в тот

⁷ Стихи Саши Черного.

момент, когда подкрепление на подходе, равнозначно смерти. Бегущий солдат уже не противник, а его спина – лучшая в мире мишень.

Павел Гордеев находился в дозоре. И под утро замерз так, что с трудом удерживал в руках свою трехлинейку. Он обнял ее, как обнимают девушку – обеими руками, прижал к груди, пытаясь согреть дыханием заочеченные пальцы. Легкий стук, а затем шуршание – так осыпаются мелкие камни – заставили его резко вскинуть голову и насторожиться. Боковым зрением он заметил неясную тень, скользнувшую между камней, – одну, затем – вторую... Вскочил на ноги, но колени, которые занемели от долгого сидения в укрытии, подогнулись, и он с грохотом упал на камни, не успев нажать на спусковой крючок винтовки. И тут же кто-то налетел сзади, навалился и ударил ножом в спину. В последний момент Павел извернулся, сбросил противника, оттолкнул его прикладом, ударил в грудь штыком...

А вокруг уже кипела схватка. Бойцы штурмового взвода отбивались кинжалами и прикладами, штыками и саперными лопатками. Вуйки же⁸ орудовали топорами и тяжелыми резакми.

Схватка среди камней длилась недолго. Розовая полоска зари показалась над горами уже после того, как смолкли внизу вопли побежденных вуйков, а русские принялись считать убитых и перевязывать раны.

Павел, шатаясь от слабости, не сел, а почти упал возле огромного камня. Голова кружилась, все вокруг затянуло дымкой, в ушах звенело. Каждое движение причиняло боль, а по спине стекал горячий ручеек, который уже насквозь пропитал гимнастерку. Но если нож галичанина вскользь прошел по спине Павла, разорвав кожу и мышцы, то топором кто-то из стрелцов не промахнулся, крепко ударил по ноге, разрубив ее до кости...

Отец Павел что-то пробормотал себе под нос, перекрестился на образ Богоматери и, пытаясь изгнать страшные воспоминания, дочитал молитву несколько громче, чем обычно:

– ...да славим во веки великолепное Имя Сына Твоего и Бога нашего, со Безначальным Его Отцем и Святым, и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь...

Ветер над горами усилился и почти валил с ног, бил наотмашь в лицо, но розовая полоска на востоке становилась все шире. Туман завис над долинами – густой, точно вата. Он клубился, как живой, то отступал, то накатывался волнами на полонины. Одинокий бук, который забрался выше всех по скалистой гряде, выглядел как маяк среди белесых волн. Казалось, что из-за ближней горы вот-вот выплывет одинокий парусник... Темнели пятна лесов, отличали серебряной чернью. Но утренний свет проник в душу, и даже тревога ушла, уступив место ощущениям свежести и божественной силы, что удерживала весь этот мир от распада...

* * *

Восход уже играл красками на хребте, когда отец Павел с трудом добрался до горной речки – последнего препятствия на пути к храму. С одного обрывистого берега на другой было переброшено бревно, стесанное поперек, чтобы не поскользнуться при переправе. Когда-то здесь имелся подвесной мост на цепях, но его разбило внешними водами лет десять назад. И теперь прихожане пользовались бревном, а цепи прикрепили с одного конца бревна так, чтобы отец Павел без труда в одиночку поднимал его на ночь от беды подальше – буйной воды или чужаков. В последнее время их много бродило в горах – мрачных, в обтрепанной одежде, с австрийскими винтовками и немецкими тесаками в руках. А вот прихожан заметно поубавилось. Что поделаешь, лето весь год кормит.

⁸ Вуйки – дядьки – национальная кличка галичан – ныне жителей Западной Украины.

Но была еще одна причина, по которой прихожане стали реже посещать храм. В последние годы участились дерзкие нападения хлопаков – украинских националистов – на польские имения, полицейские посты и на поезда.

В ответ поляки усилили репрессии. Военная колонизация края, десятки тысяч польских осадников⁹, заселивших самые плодородные земли, вызывали страх у гуцулов, которых постепенно вытесняли из долин в горы.

В конце тридцатых поляки провели «ревиндикацию»¹⁰, уничтожили более двухсот православных церквей и почти столько же передали униатам. Теперь в Карпатах осталась едва ли полусотня православных храмов, отчего отец Павел и тревожился, ведь со дня на день польские жолнеры могли явиться и в его приход.

Ночами он спал беспокойно, а бывало, не засыпал вовсе, молился в храме перед образом архангела Михаила. Видел третьи сны Янык, прибившийся к церкви немой бродяжка, а отец Павел, стоя на коленях перед алтарем, клал земные поклоны, осенял себя крестом и шептал:

– О Господи Боже Великий, Царю Безначальный, пошли, Господи, архангела Твоего Михаила на помощь рабу Твоему Павлу изъяти мя от враг моих видимых и невидимых!..

Лес глушил все звуки окрест, только река громко плескалась за стенами храма. Лишь иногда разрывали тишину уханье филина, треск сучьев под копытами кабаньего семейства или испуганный вскрик дикой козы. Ночной мрак царил вокруг, а небо пылало мириадами звезд. Но чуткое ухо улавливало тот необычный плеск, с которым люди перебредали реку. Они обходили храм стороной и явно таились, но выдавали себя стуком камней, шуршанием кустов и, аки дикая рать, исчезали в ночной темноте. Жутко становилось отцу Павлу, оттого и молился он дольше и истовее:

– ...О Господень угодный Михаиле архангеле! Буди ми помощь во всем: в обидах, в скорбях, в печалех, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище...

Утром, изнуренный ночным бдением и беспрестанными молитвами, он с просветленным лицом выходил из храма и долго смотрел в небо, радуясь божьему дню, а в сердце вновь воцарялись благодать и тишина...

В такие минуты он вспоминал, как подобрали его на поле боя два гуцула-пастуха – седой старик и его юный сын, в белых холщовых штанах и овчинных каптарах поверх рубах. Мягко ступая постолом по камням, они спустили его на руках к храму. Отец Онуфрий вышел навстречу, что-то сказал тихо, и гуцулы занесли раненого в низкую бревенчатую хижину. Сняв барашковые шапки, пастухи перекрестились на образа и, поклонившись батюшке, вышли из хижины.

Рана на ноге воспалилась, Павел метался в бреду, но всякий раз, когда ненадолго возвращалось сознание, видел над собой бородатое лицо священника. Травяной отвар охлаждал раскаленное горло, целебные мази снимали боль в ноге, и на короткое время Павел спокойно засыпал, но жар и боль возвращались снова и снова.

От осенних дождей набухли реки, а потом в Карпаты пришла зима с обильными снегопадами и сильными метелями. К тому времени Павел уже вставал и передвигался по хижине, опираясь на самодельную трость, а вскоре стал помогать отцу Онуфрию во время богослужений, что не составляло ему особого труда. Отец его был сельским священником в Рязанской губернии, и Павел с детства знал, что пойдет по стопам батюшки, окончит духовную семинарию, женится, получит сельский приход. Но, повзрослев, уже не чаял, как вырваться из тесного деревенского мирка. Отец же настаивал на духовной карьере сына. Павел поступил-таки в семинарию, но ушел со второго курса и, несмотря на протесты семьи, продолжил учебу в Политехническом институте. С той поры он ни разу не бывал дома. Изредка писал матушке, что жив-

⁹ Осадники – солдаты и офицеры польской армии бесплатно получали в Галиции земельные наделы до 45 га.

¹⁰ Принудительное обращение в католическую веру.

здоров, а с фронта и вовсе отправил лишь два письма. Думал, что вернется, и все встанет на свои места. Только судьба распорядилась по-своему...

В одно из первых посещений храма настоятель поведал Павлу его историю. Храм архангела Михаила был возведен когда-то на месте древнего православного монастыря. В конце семнадцатого века татары напали на Угорию. Венгры крепко потрепали басурман, и те бежали в Крым через Карпаты. Тогда-то и набрали на монастырь в горах. Монахов перебили, монастырь разграбили и сожгли. Спасся только послушник Алексей, который успел спрятаться на крыше монастырского храма. Татары его заметили и уже начали карабкаться на стены. Алексей упал на колени, воздел руки к небу и принялся читать молитву в ожидании лютой смерти. Но в то мгновение, когда один из нечестивцев взобрался на колокольню, ужасный грохот раздался с небес, потоки воды хлынули сверху, сметая татар, а среди пенных струй явился отроку сам архангел Михаил в виде грозного воина с огненным мечом.

Татары, побросав оружие и награбленное добро, в панике бежали из монастыря. Алексей, пораженный чудом, спустился во двор, узрел окровавленные трупы монашеской братии и вновь упал на колени.

– Архангеле, – взывал он к нему, – моли Господа упокоить души моих братьев, а меня сподоби изобразить твой дивный лик...

И принялся кровью убиенных писать образ небесного заступника на простой сосновой доске. Его руки словно сами собой создали образ грозный, но исполненный божественной благодати. Тогда Алексей в слезах припал к иконе, и лик на мгновение словно ожил, а глаза архистратига полыхнули небесным огнем...

В памяти отца Павла до сих пор жил голос Онуфрия – тихий, мягкий, но проникавший в душу, наполнявший ее тревогой и грустью.

Настоятель был стар и немощен, с трудом передвигался, но когда речь заходила об иконе, в честь которой был возведен храм, дивным образом преображался. Глаза его блестели, согбенная спина распрямлялась, а изрытое глубокими морщинами лицо озарялось чарующим светом. Икона была чудотворной и особо чтимой в Карпатах. В былые времена восьмого ноября¹¹ сотни паломников с окрестных хуторов и сел собирались на крестный ход, но в прошлом году их было не больше двух десятков. И не оттого, что угасала православная вера в Карпатах. Просто люди боялись привлечь внимание польских властей к храму.

По легенде, что ходила среди местных жителей, Алексей подарил икону Довбушу – легендарному атаману гуцульских опришков, народных мстителей, за то, что чтил Олекса святую веру отцов, защищал православный люд от произвола властей и местной шляхты. Говорят, архангел Михаил долго хранил атамана: не брали того ни пуля, ни кинжал, ни яд, который не раз подсыпали атаману в вино. И храм этот был возведен опришками Довбуша на месте сожженного татарами монастырского храма в честь чудесного спасения. Будто напали на тайный схрон повстанцев наемники-смоляки пана Родзянского, окружили пещеру, зарядили пушки. Но сошла с гор лавина и, не затронув схрон, погребла солдат под толстым слоем снега. Сам Олекса, мол, выбирал после чудесного спасения огромные сосны для постройки храма, подставлял плечо под огромные лесины...

А еще, рассказывал отец Онуфрий, что в тот час, когда атамана сразила пуля предателя, на глазах архангела выступили слезы. Три дня плакала икона, и с той поры благодать творила чудеса с теми, кто припадал к светлому лику с пламенной верой во Всевышнего и в его благие помыслы.

Мертвого Олексу паны долго возили по селам, чтоб убедить народ в его смерти, после выставили в Коломыйской ратуше. По приказу гетмана Потоцкого тело Довбуша разрубили

¹¹ 21 (8 ноября) – собор архистратига Михаила и прочих небесных сил.

на двенадцать частей и развесили на сваях в одиннадцати селах и городах Покутья, чтобы люди боялись.

Отец Онуфрий отошел в мир иной за два дня до Троицы в теплый летний день. Уже неделю он не поднимался с постели: отказали ноги. За несколько минут до смерти настоятель поманил к себе Павла и не сказал, а едва слышно прошелестел:

– Ухожу со спокойным сердцем! Знаю, что оставляю храм на тебя, знаю, что крепко несешь нашу веру, что любишь Господа как самого себя. Коли готово твое сердце, принимай служение, Павел!

– Давно готово, отче! – сказал он и склонил голову.

– Благословляю, сынок! Служи Господу нашему и образ архистратига береги как зеницу ока. Доброму прихожанину он силу дает и благодать сущую. Кровью людскою лик архистратига писан, и потому не допускай к нему человека злонамеренного – врага или убийцу...

Рука отца Онуфрия птичьим крылом взметнулась вверх, осеняя Павла крестным знаменем, и упала на грудь. И с той поры он почти двадцать лет нес сей крест служения Господу в маленьком деревянном храме в самом сердце Карпатских гор.

Опираясь на посох и прихрамывая, отец Павел перебрался по бревну на противоположный берег. Солнечные лучи позолотили крест на колокольне, когда он поднялся по ступеням храма. Петухи продолжали перекликаться на хуторах, возвещая новый день. Скоро начнется тяжелая работа, жизнь в горах не терпит лени...

* * *

Они спешно отступили, ушли в глубь леса, затаились. Со стороны погранпоста некоторое время раздавались пулеметные очереди и ружейные залпы, и всю ночь с польской и советской сторон взлетали осветительные ракеты. Сотник Андрий по прозвищу Крук довольно улыбался. Провокация удалась на славу. Надо было лишь подбросить на колючую проволоку переодетый в красноармейскую форму труп убитого накануне поветового старосты – мерзкого «хруня»¹², который выдал польским уланам схрон Ярыка Возняка, давнего соратника Андрия.

Комиссары невероятно возбудились, полезли снимать труп, и уж тут хлопцы Крука порезвились от души. Скосили очередь из «Максима» несколько краснопузых, а лейтенанта в новенькой форме снял брат Степка, восьми лет от роду. Угодил из «манлихера» точно в красную звезду на черном околыше.

После этого краснопузые подтащили два пулемета, укрылись за камнями и открыли ожесточенную стрельбу. Сотник махнул рукой: «Отходим, братья!» Оказалось, троих из отряда потеряли убитыми, шестеро были ранены, двое из них тяжело – в голову и в живот.

Андрий подошел к ним. Парни смотрели обреченно, понимали, что их ждет. Но не молили о пощаде, знали с самого начала, на что шли. И сами не раз исполняли то, что было необходимо для спасения жизни других бойцов, во имя светлой борьбы за свободу Украины.

«Только Украина, ее воля и образ пречистый имеют значение для нас, – говорил вождь революционного провода ОУН Степан Бандера, когда отправлял в рейды своих хлопаков по Галиции и Буковине. – Если вы спросите меня, скольких украинцев можно и потребно убить ради свободы Украины, то я отвечу лишь – сколько их можно и потребно оставить. Не должно щадить даже раненых, чтобы не задерживали продвижение отрядов...»

Андрий хорошо помнил завет своего кумира и раненых всегда добивал лично. Но на этот раз одного в живых оставил. То был давний товарищ, с двадцатых годов, когда ОУН пополнилась многими отважными юношами. Андрий и Гриц были из одного села, вместе начинали

¹² Так называли украинцев, служивших полякам.

борьбу против польских панов и всегда держались друг друга. Но в этот раз вражья пуля нашла Грица, пробила легкое. Кровавая пена пузырилась на его губах, а взгляд витал уже в поднебесье. Но не мог Крук бросить товарища, почти брата, на поругание ляхам.

Только похоронить убитых не успели. Забросали кое-как тела еловыми ветками. Нагрянули польские «кописты» – солдаты Корпуса пограничной охраны, и стрельба поднялась такая, что едва ноги унесли...

Уже в горах умерли еще двое хлопцев, оказывается, скрыли, что раны у них тяжелее, чем смогли выдюжить. А вскоре и Гриц отдал богу душу. Вырыли наспех три неглубокие могилы, наспех присыпали мертвые тела черной землей. Поодаль расположились на ночлег...

Боевики, измученные боями и трудными многодневными рейдами по горам, спали. Андрий же долго сидел возле небольшого костра, подбрасывал тонкие ветки, смотрел в темное небо, куда улетали искры, прямо в объятия огромных мохнатых звезд. Он зябко кутался в старый капталь – болела спина, застуженная на холодных карпатских камнях позапрошлой зимой. Тогда его сотне, от которой осталась едва ли треть бойцов, пришлось с неделю отсиживаться в заснеженном ущелье, спасаясь от преследования поляков.

Поначалу им везло. Спецпоезд, перевозивший буковинского воеводу, попал в засаду. Один из хлопцев поднял красный флажок, предупреждая об опасности. Спецпоезд остановился. Бойцы Андрия взорвали пути, окружили состав, отцепили паровоз и обезоружили немногочисленную охрану. Кроме воеводы, в поезде ехали комендант полиции, епископ и сенатор из Варшавы. Комендант погиб в перестрелке, воевода был тяжело ранен. Сенатору всыпали сорок плетей, епископа заставили плясать гопак. Затем забрали деньги и ценности и благополучно скрылись. Позже несколько раз успешно напали на почтовые кареты, а также на народный банк в одном из местечек.

А потом попали в засаду. Большую часть сотни перебили, а за теми, кто сумел прорваться, поляки бросились в погоню. Тогда уланы схватили более десятка боевиков из отряда Крука. Четверо из них были повешены на территории Бригидки – знаменитой львовской тюрьмы, остальные получили пожизненное заключение. Но отряд быстро пополнился добровольцами, которые в деле осваивали науку партизанской борьбы. Только везение на этом закончилось. Трижды отряд попадал в засады, новые могилы появлялись в лесах и в горах. Поляки безжалостно уничтожали всякого, кто поднимал против них оружие...

Сотник в который раз отхлебнул из мятой австрийской фляжки. В груди потеплело, но сердце словно сковали ледяные цепи. Это ощущение жило в нем последние несколько месяцев. И после каждой вылазки цепи сжимали все сильнее и сильнее.

Тяжелые веки поднимались с трудом. И неожиданно сквозь сизое марево кострового дыма Андрий разглядел большой деревянный крест над могилой Грица. Успел удивиться: откуда? Но сон сморил до утра...

На рассвете он поднялся первым. Низкий туман затянул ложбины и подножия гор. Андрий подошел к могилам – никакого креста! Когда снимались с привала и туман слегка рассеялся, сотник снова глянул в сторону могил. «Черт знает что! – подумал с досадой. – Спяну чего только не привидится!»

Но следующей ночью среди холодных скал Черногорского хребта ему приснился Гриц. Он глядел прямо в глаза, словно пытался спросить о чем-то, а затем схватился за горло и прохрипел: «Душно здесь без креста! И страшно! Очень!»

Андрия словно подбросило на попоне, на которой спал рядом со Степаном. Он накиннул капталь поверх изношенного австрийского кителя и подсел к костру. Под серой патиной золы едва теплились красные угли. Сотник подбросил пару еловых веток, огонь взбодрился, рассыпался искрами.

Стояла глубокая сырая ночь, и звезды над головой казались серебряными гвоздочками, которыми скрепили бескрайнее бархатное полотно тьмы. И впервые Андрий задумался, что его

ждет там, за кромкой жизни? Слава? Бессмертие? Или все уйдет в прах? Как ушел в прах Гриц? И вспомнит ли кто его имя через много-много лет?..

С восходом солнца внизу, из-за темных елей, открылась им маковка православного храма с крестом, горевшим на солнце. А следом послышался колокольный звон, который плыл над долинами и смахивал на клекот высоко летевшей журавлиной стаи. Но звуки колокола растаяли так же быстро, как и клочья тумана среди гор.

Послали на разведку Степана. Он вернулся через час. Сказал, что, кроме православного попа и немого служки, в храме никого нет. Впрочем, и без него Крук знал, что в ранние часы поляки в эти края не сунутся. К тому же в это утро он никого не хотел убивать и к храму спускался по одной-единственной причине, о которой предпочитал помалкивать. По большому счету ему было все равно, идти ли к католическому или к униатскому священнику, не вспомни он, что когда-то, очень давно, был крещен в православии.

На всякий случай он оставил сторожей на опушке леса и возле переправы. А к православному храму отправился вместе со Степкой. У ворот их встретил немолодой батюшка с иконой в руках. Рядом с ним стоял, видно, тот самый немой служка, совсем еще молодой, с хилой бородкой, в старой рясе, подпоясанный веревкой. Они настороженно рассматривали вооруженных людей в обтрепанной военной форме.

Андрей опустил винтовку, стянул с головы кепку с трезубцем и хмуро оглядел священника.

– Здравствуй! – сказал он. – Я – сотник Крук. Слышал про меня?

– Приходилось! – ответил священник.

– Можешь меня не бояться. Я – не униат, я – православный.

– Я бога боюсь, не людей, – ответил священник очень спокойно, и взгляд его говорил, что он не обманывал.

– Ты – москаль? – удивился Андрей.

– В прошлом я – русский воин Павел Гордеев! – нахмурился батюшка. – А сейчас настоятель сего храма архистратига Михаила.

– Москали – первейшие враги Украины. Больше, чем поляки. А большевики – и того страшнее! – Нервный тик исказил лицо сотника. – Я уничтожал и уничтожать их буду с той же силой, что и польских оккупантов. Московия должна погибнуть! – белая или красная, царская, советская, пролетарская, православная или безбожная – все одно! Украина должна быть свободной!

– Что ты хочешь, Крук? – спросил священник. – Кроме меня, тут нет москалей, а большевиков – тем более!

Андрей помолчал, подбирая слова.

– Не нравимся мы тебе, вижу, – сказал он наконец. И добавил уже спокойнее: – Исповедаться и причаститься хочу. Можешь?

– Исповедать – да, причастить – нет! – спокойно ответил отец Павел.

– Почему так? Грешен?

Батюшка на этот раз не ответил, и они молча некоторое время внимательно смотрели в глаза друг другу.

– Хорошо! – кивнул Андрей. – Тогда исповедуй меня!

– Чтобы покаяться, не нужны годы, – сказал священник. – Покаяние приходит как молния. Но покаяние должно непрерывно гореть. И исповедь поддерживает горение покаяния.

– Значит, я должен покаяться? – поразился Андрей.

Он старался не смотреть на икону. Взгляд архангела – жесткий, беспощадный, казалось, проникал в каждую пору, растекался по жилам, отчего Андрей чувствовал не просто тревогу, а необъяснимый, почти животный страх. Но отступить не собирался.

– Исповедь не позволит тебе грешить, так как ты постоянно будешь думать о стыде, который испытаешь перед духовником. Искренняя и истинная исповедь восстанавливает человека перед богом и снова соединяет его с ним после падения. Кто желает своего спасения, держит в своем сердце слезы, сокрушение и покаяние. Когда ты исповедуешься, ты готов к смертному часу...

Священник продолжал говорить, но Андрий уже не слушал его. «Какой еще смертный час? Что брешет этот москаль?» Ненависть к старику, который не в пример польским чиновникам не падал ниц и не целовал его сапоги в надежде спасти жизнь, победила здравый смысл. Темная волна злобы поднялась из глубин мозга. Андрия затрясло от ярости. А взгляд священника был спокоен по-прежнему, и ни одна черточка не дрогнула на худом болезненном лице.

А тут еще лик архангела, как бы сотник от него ни отворачивался, не позволял успокоиться, от чего лоб покрылся испариной, а пальцы, крепко державшие австрийский «манлихер», словно одервенели. Андрий переложил винтовку из одной руки в другую, повернулся боком к иконе. Но строгий взгляд будто держал его на привязи. Спазм как удавкой перехватил дыхание. Андрий, точно как Гриц в его ночном сне, схватился за горло.

– Убери икону! – прохрипел он.

– Образ святого архангела Михаила светел и наделяет дивной силой всякого уверовавшего в бога и несущего в себе благие помыслы, – строго сказал священник. – Нет божьего благословения на том, кто стреляет в безоружных и беззащитных...

– Безоружных и беззащитных? – взревел сотник и передернул затвор. – Что ты бормочешь, москальский поп? Что тебе надобно на моей земле? Я, Андрий Крук, сражаюсь с предателями Украины. Это у вас, москалей и жидов, нет отчизны! И бога вы не чтите!

Он уже почти орал, подступая к священнику, пока ствол винтовки не уперся в икону.

– Убери, кому сказал! – рявкнул он что было сил.

Но священник еще выше поднял икону.

– Не кощунствуй, раб божий, – сказал тихо священник. – Не бери грех на душу! Архангел Михаил – князь небесного воинства, покровитель православных воинов.

– Православное воинство? Нема такого воинства! – захохотал Андрий и попытался вырвать икону у священника.

– Не трожь! – сказал вдруг отец Павел грозно. – Икона сия кровью убиенных писана и только тем дарует чудеса, кто припадает к ней с искренней верой во всевышнего и его благословение...

И тогда Андрий выстрелил. Одной рукой священник схватился за живот, но другой продолжал удерживать икону. К священнику бросился служка и принял икону у осевшего на пол батюшки. И тут же упал рядом, накрыл икону собой. Второй выстрел в упор снес ему затылок, и кровь немого слилась с кровью батюшки, который неподвижно лежал на спине, и взгляд его был устремлен в небо, такое же яркое и голубое, как глаза священника.

Степан поднял икону, стер с нее рукавом кровь и посмотрел на брата.

– Забирай! – сказал Андрий и тоже стер брызги крови, но с лица. – Пусть покровитель небесного воинства послужит украинским освободителям!

От реки примчался один из сторожей.

– Сотник! Треба уходить! – крикнул он, с трудом переводя дыхание. – Разведка донесла, по дороге движется отряд уланов, человек тридцать.

– Быстро исчезаем! – Андрий натянул кепку на голову. – Через яр до водопада. Там переждем до вечера! – и посмотрел на Степку. – Ты, братка, – шустрый хлопец, живо церкву подпали и догоняй нас!

Степка с готовностью кивнул. Любил он это дело – превращать в костер дома, скирды, хлева и колыбы тех, кто не поддерживал борцов за вольную волю родной Украины, а вот церковь поджечь – такого еще не доводилось.

Андрей, перебравшись по бревну через реку, быстро поднялся по склону, махнул рукой хлопцам, таившимся среди камней, и отряд углубился в лес. Вскоре боевики одними им ведомыми тропами достигли глубокого яра. Андрей остановился на краю оврага и оглянулся. Внизу, над острыми пиками елей, взметнулось свечой пламя, до небес поднялся столб дыма, а ему показалось, что он вновь слышит в синей вышине колокольный звон...

Глава 1

Ранним утром, с его прохладой, ослепительно-голубым небом и воздухом, еще не утра- тившим запахов мокрой травы после скоротечного ночного дождя, всегда верится, что день впереди будет прекрасным и удивительным. И совсем не таким, как вчерашний, с его невыносимой духотой, настоянной на смрадных выхлопах автомобилей и вони разогретого асфальта. Но тревожный гул, который шел от толпы зевак, обступивших крыльцо подъезда, эти надежды рассеял мгновенно. Люди в ужасе, смешанном с любопытством, приподнимались на цыпочки, тянули шеи и возбужденно галдели, как гуси на берегу сельского пруда, стремясь разглядеть что-то на бетонном козырьке подъезда.

Впрочем, нетрудно было догадаться, что именно: с козырька свисала залитая кровью рука. Несмотря на то что полицейские то и дело шугали зевак, те не расходились, лишь отступили на десяток шагов от крыльца, и не потому, что их потеснили два пэпээсника с автоматами, а ради лучшего обзора. Время от времени кто-нибудь задирает голову к небесам и выискивал окно, из которого могло упасть тело. Шестнадцать этажей, не шутка, поди, разберись, откуда сверзился этот бедолага. С балконов тоже смотрели вниз, тянули руки с мобильниками, фотографировали, чтобы, не дай бог, не пропустить сенсацию, которой можно похвастать на работе. Не каждому удастся запросто лицезреть человека, который разбился в лепешку.

С высоченных тополей летел, как снег, тополиный пух. Он вспархивал под ногами, сбивался в пушистые комья, а легкий ветерок гнал его по асфальту, закручивал крохотные смерчи. Мальчишки веселились и поджигали пух, поскольку устоять перед соблазном было трудно, несмотря на ругань дворников. Окрестные старухи тоже не оставались в стороне и на чем свет стоит бранили юных безобразников, мол, куда смотрят родители, ведь так и до пожара недолго. Но пацанам все было нипочем, а пух горел быстро, как порох.

«Ох, не та нынче молодежь, – сетовали бабки на лавочках. – И время не то, маятное, страшное...»

Молодежи, надо признать, среди зевак было немного. Бросив любопытный взгляд на руку покойника, они торопились по своим делам. Большинство в толпе составляли те же старухи, спозаранку выползавшие на солнышко, чтобы вынести мусор и посидеть на лавочках, почесать языки, обсудить соседей. Однако все темы разговора, знакомые наперечет, перехлестнуло невиданное и страшное событие: неизвестный труп.

Пух все кружился и падал, засыпая автомобили на парковке, тротуар, чахлые клумбы, на которых справляли нужду местные кошки, серый облупленный козырек и эту руку со скрюченными от боли пальцами. Набежавшая возле ступеней багровая лужа подсыхала, засыпанная намокшим в крови пухом.

Полицейские даже не пытались огородить место происшествия. Да и как? Труп на козырьке, из подъезда все время выходили на работу люди, мамы тащили детей в садик, вскрикивая от ужаса и обходя лужу по кривой. Покойника требовалось снять, но труповозка еще не подъехала, а врач «Скорой», поднявшись по шаткой лестнице, констатировал, что спасти прыгуна, увы, слишком поздно, и теперь, положив на колено папку, писал заключение о смерти. По всему выходило: человек погиб в промежутке с трех до четырех часов ночи, когда самый крепкий сон, и потому даже сильный звук удара, на который ссылались некоторые свидетели, никого не заставил насторожиться. Криков никто не слышал, а бухнуть могло что угодно.

Только-только миновало семь часов, а новость уже облетела весь двор. Любопытные тянулись из соседних подъездов, чтобы хоть одним глазком глянуть на чужое несчастье.

Самым странным было то, что никто не выбегал на крыльцо с горестными криками, не причитал, не вопрошал подернутые пухом небеса, на кого их оставил кормилец. Только

в толпе истошно верещал и рвался с поводка французский бульдог со странно вывернутой шеей. Собаку пыталась удержать пожилая женщина в блестящем китайском халате с драконами и иероглифами. Она даже схватила пса на руки, но тот, отчаянно суча ногами, вырвался и помчался к подъезду. Кожаный поводок извивался по асфальту, словно змея.

– Пусенька, Пусенька! – закричала женщина и, переваливаясь, точно утка, поспешила за бульдогом, который удирал от хозяйки со всех ног. Большие уши пса, как два лопуха, развевались по ветру. Обогнув полицейскую машину, собака подбежала к подъезду, ткнула носом в темную лужу и стала жадно слизывать кровь с асфальта. Патрульный торопливо шагнул вперед, намереваясь пнуть бульдога, но тот вдруг оскалился и зарычал.

– Мамаша, вы бы этого людоеда убрали отсюда! – раздраженно буркнул сержант. – А то ведь пристрелю, ей-богу!

Он демонстративно снял с плеча автомат и многозначительно посмотрел на бульдога. С вывернутой шеей и окровавленной мордой пес выглядел жутковато. А в красных глазках ясно читалось раздумье: рвануть, что ли, за ногу или повременить слегка?

– Пуся, фу! Пуся, нельзя! – закричала женщина, суетливо подхватила поводок и поволокла упировавшегося бульдога прочь.

– Пуся, – скривился сержант и раздраженно плюнул на землю. – Не собака, а чудище уродское! – И прокричал вслед: – Бабушка, осторожнее с песиком! Кабы чего не вышло!

И пояснил стоявшему рядом напарнику:

– Эту сволочь, конечно, лучше усыпить! Попробовал кровушки, гаденыш! Случись что, порвет бабку, как портянку.

Напарник мрачно покосился на него, но ничего не ответил, лишь отошел в сторону и закурил.

Старший оперуполномоченный уголовного розыска, майор полиции Кирилл Миронов, досадливо поморщился. Нашли что обсуждать. Кровожадные псы, сумасшедшие бабки...

Покойник спутал ему все карты. Он бросил взгляд на часы. Дежурство закончится в восемь утра, а работа явно только начинается. «Что ж ты днем не гикнулся? – подумал он тоскливо. – С чего вдруг ночью приспичило помирать?»

А ведь час назад и погода шептала, и выходной после суточного дежурства манил своими прелестями. Ох, как сладко мечталось: первым делом, конечно, сон, глубокий, часов до трех, а затем можно и с мужиками в баньку завалиться, давно ведь звали. На вполне законных основаниях. Суточное дежурство отрубил от звонка до звонка, ведь ночь и без этого трупа выдалась беспокойной. С вечера пришлось выезжать на труп утопленника, который рыбаки обнаружили в камышах на озере, затем – на драку в ночном клубе, а следом – на семейную свару. На свары ему особенно везло, к счастью, на этот раз все закончилось банальной дракой, не поножовщиной.

Впрочем, поножовщина в семейных ссорах тоже была делом обычным. От скуки Кирилл как-то даже галочки ставил: кто кого чаще, жена – мужа или муж – жену. В статистике лидировали жены и сожительницы, измороженные, избитые, часто – такие же «синяки», как их благоверные. И если мужики пускали в ход кулаки, женщины, отбиваясь, хватились за ножи, ножницы и даже топоры. Вон зимой брали в частном секторе одну такую, роковую красотку с фингалом под глазом. Завалила муженька, оттяпала голову топором и попыталась в печи спалить. Долго упиралась, но потом раскололась, конечно...

Домой хотелось неимоверно, на родной диванчик, под бормотание телевизора. Но сейчас неподалеку бормотал эксперт-криминалист Дмитрич. С гривой курчавых волос, пожилой, пузатенький, перешагнувший пенсионный возраст, он с большой неохотой, но взобрался по хлипкой лестнице и принялся колдовать над трупом, который занимал почти весь козырек. Кириллу, еще до приезда «Скорой» и следственной бригады, первым пришлось осмотреть

покойного. Он с трудом балансировал на краю козырька, с опаской поглядывал вниз, стараясь не наступить в лужу крови, натекающую из-под трупа.

Зрелище, конечно, было не для нервных барышень. Труп, облаченный в полосатые пижамные штаны и майку-алкоголичку, лежал с неестественно вывернутой шеей в том месиве, что когда-то было головой человека. Судя по морщинистой коже, покойнику давно перевалило за семьдесят. Среди суицидников – возраст не самый популярный. Большая любовь в далеком прошлом. Финансовые проблемы? Так пенсионеры живут экономно, а у этого вон кольцо на пальце, по виду из старого советского золота, толстое, массивное. Неизлечимая болезнь? Хотя какой смысл гадать. Вскрытие, как говорится, покажет...

Огромная лужа крови под погибшим уже потемнела и спеклась. Черные брызги заляпали стену над козырьком и поникший фонарь уличного освещения с трепетавшим на нем обрывком штанины. Мухи атаковали тело и копошились в крови. Миронову неожиданно стало дурно, и он поспешил спуститься вниз, уступив место дюжему доктору со «Скорой». Тот едва не обрушил лестницу, а после чуть не свалился с козырька, но успел схватиться за фонарь и удержаться на краю. Поэтому, видно, осмотр завершил едва ли не быстрее капитана.

Теперь Миронов наблюдал за Дмитричем, который, несмотря на габариты, весьма ловко перемещался по козырьку, орудовал рулеткой, что-то замерял, записывал в блокнот и, похоже, плевал и на труп, и на скопище мух. Наконец, криминалист сделал несколько фотоснимков и крикнул:

– Держите меня! – И принялся спускаться по лестнице, задерживаясь на каждой ступеньке и с тревогой поглядывая вниз.

Оба патрульных с красными от усердия лицами с трудом удерживали хлипкое сооружение, а потом подхватили Дмитрича под мышки вместе с его скарбом: чемоданчиком криминалиста и фотоаппаратом, и бережно поставили на землю.

– Что там? – подступила к нему дежурный следователь Марина Званцева, тощая блондинка в форме следственного комитета. Она-то уж на козырек не полезла, сославшись на узкую юбку, но Кирилл догадывался: не захотела созерцать облепленного мухами покойника. Теперь она стояла рядом с Дмитричем и заполняла протокол осмотра происшествия, забыв убрать с лица брезгливую гримасу.

Миронов подошел к ним.

– Чем порадуешь, Дмитрич?

– Ох, совсем не пораду, – в тон ему ответил криминалист. – Жмурик, похоже, не по своей воле свалился, Кирюша. – И зачастил тенорком: – Траектория не та. Разве что в полете отклонился. Но люди не птицы, сам понимаешь! Не дал нам боженька крыльев...

– Значит, ничего хорошего? – упавшим голосом спросил Миронов.

Понятное дело, суицидник куда лучше убиенного. Возни меньше, и дело можно было бы закрыть быстрее. Был человек, нет человека, галочка в общем списке. Десять дней на вскрытие, проверку, отказ в возбуждении уголовного дела, если, конечно, не найдутся те, кто довел дедушку до самоубийства. Тогда мороки будет не меньше, чем при поисках убийцы...

– Хорошего? – поразился Дмитрич и развел пухлые ручки. – А чего ты хотел? Черепно-мозговая, к гадалке не ходи, да и внутри полный компот. Ноги вон переломаны...

– Документы? Может, сотовый? – с надеждой спросил Кирилл.

– Угу! Ты прям как маленький, Миронов, все в сказки веришь. Щас он тебе спрыгнет с паспортом в кармане, полисом и фотокарточкой любимой тещи.

– Старенький он для тещи, – медленно сказал Кирилл.

Он вытянул из кармана сигареты, прикурил и протянул пачку Дмитричу. Тот мотнул головой, отказываясь.

– Как думаешь, столкнули? – спросил Кирилл.

– Если навскидку глянуть, то труп вроде некриминальный. Следов борьбы нет, хотя, может, его внезапно по голове ударили... Но если б он из окна квартиры вывалился или с балкона, то под ними бы и лежал, а тут явно отклонился в сторону. Ты же видишь, окна в подъезде задраены наглухо. Не мог он оттуда выпасть.

– Но если его все-таки выбросили, он на голову приземлился бы или на руки, – не сдавался Миронов. – А тут вроде на ноги...

Дмитрич мрачно усмехнулся.

– Странный ты человек, майор! Дал бы тебе пирожок за усердие, но вижу, что шибко тебе этот жмур не нравится. Но квартиру-то осмотреть все равно придется. Интересно, лифт работает? Мне ведь тоже предстоит прогуляться...

Он перевел взгляд на следователя.

– Мариночка, все зафиксировала?

– Все, – вздохнула та и протянула ему бланк протокола: – Распишитесь!

Дмитрич, не глядя, подмахнул бумаги и льстиво улыбнулся майору.

– Вы, ребяташки, сами его соскребите с козырька, пока труповозка не приехала. Только поторопитесь, вон мухоты сколько налетело на кровушку. Он, сердечный, уже присох там, после и вовсе не отдерешь! А я пока перекушу, а то за всю ночь пустым чайком только и побаловался...

Эксперт-криминалист уселся в машину, вытащил бутерброд с колбасой и принялся с аппетитом жевать. Служба службой, а завтрак – по расписанию. Майор отвернулся. Дмитрич ел жадно и неряшливо, роняя крошки, и ему было наплевать и на покойника, и на мух. Ну что тут скажешь? Разве только избитое: «Живое живым...»

Но все-таки Миронов заартачился. Больше для порядка, чтобы криминалист лишний раз не зарывался.

– Дмитрич, с какой стати мы должны его стаскивать? Если труп криминальный и мы чего-нибудь повредим, ты с нас первых шкуру снимешь?

– Миронов, не нагнетай, – поморщился Дмитрич и смахнул с живота крошки. – Что там можно повредить? Даже если вы его вниз уроните без всякого почтения, хуже покойничку не будет. «Скорая» смерть констатировала. Все, что нужно, мы с Мариночкой отметили, замеры и записали. Теперь это объект судмедэкспертизы.

Дмитрич потер ладошки и бодро прокричал пэпэсникам:

– Давайте, ребяташки, помолясь, спустим клиента.

– Его еще опознать надо, – проворчал Миронов, с неудовольствием прикидывая, каким образом снять мертвеца с козырька. Хоть и невысоко, а неудобно.

– Ну, тем более спускайте. Не потащишь ведь свидетелей на козырек, – хохотнул Дмитрич.

Миронов смерил его угрюмым взглядом.

– На руках его прикажешь снести? Небось сам в сторонке постоишь?

Дмитрич снова хохотнул, и толстое пузо затряслось.

– И что? Постою рядом с Мариночкой, – и скосил хитрый глаз на блондинку в погонах, которая отошла в сторону и разговаривала с врачом «Скорой».

Тот уже стоял одной ногой в кабине неотложки и тыкал пальцем в исписанную докторскими каракулями бумагу – заключение о смерти, и что-то снисходительно объяснял.

Дмитрич перевел взгляд на Миронова и абсолютно неискренне посочувствовал:

– Не горюй, майор, но ваше дело холопье! Чего ж ему на солнышке тухнуть? А вы прям как маленькие! Чай не впервой? Давайте, давайте, за простой нам не платят!

Миронов обреченно выругался и призывно замахал рукой ребятам из наряда ППС.

Глава 2

Естественно, никто в восторг от предстоящего действия не пришел. Парни, молодые, недавно отслужившие в армии, заметно побледнели и переглянулись, но перечить начальству не посмели. Грозный рык майора привел их в движение, и наряд с поскучневшими лицами направился к козырьку. Толпа оживилась и придвинулась ближе.

Дальше было еще интереснее. Покойник, как и предсказал Дмитрич, на жару успел присохнуть к бетону. Один из полицейских поднялся наверх и, потоптавшись около трупа, попытался поднять его. Тело поддалось, но с трудом. Толпа дружно ахнула, когда полицейский, кривясь, подхватил труп под мышки.

– Кидать, что ли? – крикнул он Миронову.

– Я тебе кину! – пригрозил тот. – Аккуратненько, по лесенке...

Аккуратненько не получилось. Труп, который первый полицейский придерживал сверху, выскользнул и съехал вниз по лестнице прямо в объятия второго, оттолкнувшего покойника с испуганным криком. В этот момент открылась дверь подъезда, и в проеме появился сытый мужичок в светлом костюме и белых туфлях. Труп свалился ему прямо под ноги.

Полицейский, позеленев лицом, торопливо рванул в сторону, зажимая рот ладонью. Мужичок взвизгнул, как болонка, сиганул с крыльца и, наступив в лужу крови, протаранил толпу зевак, которые, впечатленные зрелищем, в едином порыве вновь подступили к подъезду.

Пока патрульный неэстетично блевал в чахлый куст сирени, а мужик в светлом костюме, чертыхаясь, вытирал о траву щегольские туфли, над головами звонко щебетали птицы, над одуванчиками всюду гудели пчелы и порхали бабочки, в воздухе весело кружился пух, а со стоянки то и дело отъезжали машины. И никому, по сути, даже зевакам, не было никакого дела, что чья-то душа уносилась сейчас стремглав в небеса, а может, маялась, неприкаянная, где-то рядом, витая в запахах летнего утра.

– Чем еще повеселишь оперскую душу? – мрачно поинтересовался Миронов.

Дмитрич словно не расслышал и склонился над трупом. Похоже, он совсем не реагировал на тяжелые запахи крови и тех выделений, от которых организм избавляется в момент смерти. Оклемавшиеся постовые держались в сторонке.

Миронов, конечно, мог бы высказаться по этому поводу, но лишь посмотрел на часы. Прошло минут сорок, как участковый с напарником направились в обход по квартирам, но до сих пор не позвонили. Видать, не нашли свидетелей, что, впрочем, неудивительно, если учесть, что в некоторых квартирах по причине рабочего дня никого уже не было.

Зрителей у подъезда поубавилось. Однако самые стойкие только что не дышали Дмитричу в затылок, разглядывая покойника.

Тут из подъезда вышли участковые, покосились на труп и направились к Миронову. Следователь, увидев их, переместилась к нему поближе. Она была на голову выше майора, и ему это не нравилось. Впрочем, как и сама девица – узколицая, остроносая и скуластая. Таких барышень он называл «бледной немочью» и заносил в списки ограниченного пользования, то есть общался с ними исключительно в интересах службы.

Оба полицейских, старательно вытаращив глаза, доложили, что исправно обошли подъезд, но в большинстве квартир им не открыли, а в оставшихся вразумительных ответов на вопросы они не получили. Никто ничего не слышал, не видел и погибшего не узнал. Да и кто бы сомневался? Шестнадцать этажей, восемь подъездов – еще та громадина. И квартир, естественно, сотен пять или чуть больше, что ровным счетом ничего не меняло. Дом к тому же лишь лет пять как был сдан в эксплуатацию, а в городских, даже более старых высотках жильцы частенько не имеют ни малейшего представления о том, кто живет с ними по соседству.

Кирилл приуныл, с тоской посмотрел на сборище зевак и без особой надежды спросил:
– Граждане, кто-нибудь опознал погибшего?

Он понимал, что если опознали бы, то охов и ахов было бы, несомненно, больше.

– Товарищ милиция! Товарищ милиция!

От соседнего подъезда подавала знаки та самая баба с кривошеим бульдогом, которого она теперь держала на руках. Бульдог пыхтел, вырывался и перебирал в воздухе кривыми ножками. Кирилл подошел к лавочке, на которой, оказывается, все это время сидела хозяйка пса. Просто ее не было видно за толпой любопытных. И опасливо покосился на собаку.

– Не укусит?

– Пусенька? Что вы! Он – смирный, напугался просто, когда Анатолича увидел. Я сама перепугалась, чуть не померла, когда поняла, что это он... там лежит. – Она махнула рукой за спину майора. – Даже давление подпрыгнуло!

И вытерла платком пот с покрасневшего лица.

Пусенька на ее руках ворочался и недовольно бурчал, пучил глаза и шевелил огромными ушами, смахивая на толстую летучую мышь без крыльев.

– Вы знаете потерпевшего? – строго спросил Миронов.

Женщина окинула его победным взглядом.

– Федор Анатольевич Ковалевский, из двести тридцатой... Конечно, его трудно сразу узнать. Но это его штаны, ей-богу! Бедный, бедный! – Она на секунду пригорюнилась, поглаживая бульдога, и тот затих, закатив глазки.

А хозяйка, брызгая слюной, зачастила с новой силой:

– Правду говорят, беда не ходит одна! Не перенес он горя, ох, не перенес!

На эти слова Кирилл невольно сделал стойку. Какая еще беда могла случиться со стариком?

– Вы о чем? Как, кстати, вас зовут?

– Меня, что ли? – Дама тупо уставилась на него.

– Вас, кого еще! – уточнил Миронов сердито.

– Татьяной Сергеевной. – Она переместила взвизгнувшего пса под мышку. – Я в том подъезде живу, на одиннадцатом этаже, а Федор Анатольевич, значит, на десятом... Жена его, Ирина Львовна, чуть больше недели назад под машину попала. Говорят, сразу умерла, но разве от этого легче? А ведь они больше сорока лет вместе. Душа в душу, чисто голуби. Не утерпел, видать, тоскливо стало одному.

– Из двести тридцатой? Точно Ковалевский?

– Я же вам говорю: штаны очень похожи. Он в них за почтой спускался, – с легким раздражением в голосе произнесла женщина. – По лицу, конечно, не узнать! Почитай, нет лица! Вон сколько кровищи! А вы не поленитесь, поднимитесь на десятый, тогда и узнаете... Хотя о чем я? Он ведь один жил в последнее время!

Кирилл поднял голову, защищая глаза от солнца, приставил ладонь ко лбу и принялся отсчитывать этажи: первый, второй... Татьяна Сергеевна тоже задрала голову вверх, махнула рукой, привлекая внимание майора, и почти возликовала:

– Гляньте, у него кухонное окно нараспашку! Видно, оттуда и упал! – И торопливо перекрестилась: – Упокой его душу, господи!

На высоте, под ослепительно синим небом, действительно пузырились оконные занавески. Кирилл посчитал: точно, десятый. Вот и нашлась квартирка. Участковый, к счастью, на месте, но надо бы старшего по дому вызвать, понятых организовать. И вскрывать, если двери заперты... Да заперты, конечно. Не может быть все так просто.

Он повернулся к женщине.

– А чем этот... Как вы сказали? Он вообще кто?

– Федор Анатольевич? Он, значит, профессором был, не то историком, не то еще кем-то. В нашем университете преподавал, книжки умные писал... Известный человек, к нему даже из газеты приходили. А Ирочка, царствие ей небесное, в музее работала, тут, недалеко. Вон, видите, маковка торчит...

Кирилл оглянулся.

В просвете между домами действительно виднелась зеленая крыша, полукруглая, с резными карнизами, увенчанная башенкой – причудливой, с куполом. Местный краеведческий музей – скукота смертная. Кирилл бывал там как-то раз с женой, забежали спрятаться от дождя. Побродили с полчаса по залам под бдительным взором смотрительниц – пожилых женщин в пуховых шالях и вязаных жилетках, поглазели на чучела животных, какие-то картины и фотографии, старинные вышивки и половики, а затем сбежали, решив, что лучше мокнуть под дождем, чем дышать атмосферой старости и уныния.

Миронов сдвинул фуражку на лоб, что выражало некую степень задумчивости. Получается, именно там, в музее, работала супруга покойного Ирина Ковалевская. Возможно, одна из тех строгих старух, что сидели у входов в музейные залы. И как же она оказалась под колесами? Идти от дома всего ничего, по сути, дворами, да и сама улочка возле музея – тихая, машины ездят редко. Лихач? Надо будет по сводкам проверить...

Или все-таки не стоит бежать поперед бабки в пекло? Майор хмыкнул и вернул фуражку на место.

Минут через пятнадцать-двадцать оперативно-следственная группа стояла перед добротной металлической дверью в злополучную квартиру. Естественно, она оказалась запертой.

В присутствии старшей по дому слесарь открыл замок. Кирилл первым переступил порог, следом – участковый, а уж за ними гуськом – Дмитрич, следователь Марина и понятые. Участковый подал голос еще из прихожей:

– Хозяева? Есть кто живой?

Как и следовало ожидать, никто не ответил. Живые непременно отреагировали бы на тарарам у порога. Споткнувшись о разбросанную обувь, Кирилл проследовал по темному коридору, прошел на кухню, где развевались белые занавески. Но тут за спиной возник Дмитрич, попросил посторониться и тотчас принялся осматривать подоконник и оконную створку, наносить кисточкой порошок магнезии для обнаружения следов пальцев. А участковый тем временем внимательно разглядывал пол и стены. Кирилл решил не вертеться у них под ногами и вошел в гостиную. Следователь устроилась за круглым столом в центре комнаты, разложила бумаги. Появление майора встретила неприязненным взглядом. Видно, чувствовала его пренебрежение.

Взгляд Кирилл проигнорировал. Он уже отметил, что диван подготовлен ко сну: простыня аккуратно расправлена, подушка взбита, а край одеяла отогнут. Миронов хмыкнул про себя. Нет, человек, с таким тщанием расстеливший постель, не мог внезапно впасть в безумие и выброситься из окна. Значит, Дмитрич прав: кто-то его вытолкнул. Но кому нужно убивать хозяина квартиры – старого и немощного? Зачем?

Кирилл огляделся и увидел большое фото в деревянной рамке, стоявшее на полке высокого, до потолка, стеллажа, забитого книгами. С фотографии смотрела пожилая чета: статная женщина с приятными чертами лица и почтенный усатый старец с едва заметной улыбкой на тонких губах. Женщина держала в руках букет сирени и тоже улыбалась, а супруг стоял рядом, вытянувшись в струнку, точно солдат на параде. Рядом – снимок поменьше, перечеркнутый черной лентой, той самой женщины, что и на первой фотографии, но сделанный явно позднее. А на спинке дивана валялась скомканная пижамная куртка в полоску...

Глава 3

Александра потопталась перед стеклянными дверями, вздохнула, а затем решительно потянула их на себя. Затея казалась глупой изначально, и семья отговаривала, мол, не суйся, все равно ничего не добьешься. Вот же оно – постановление об отказе в возбуждении уголовного дела. Самоубийство, мол, и все – взятки гладки! Но только отступить она не умела, хоть тресни.

– Ты точно одержимая, как дед, – безнадежно заявила мать. – Он с глузду сдвинулся, и ты туда же. Фанатики, что говорить?

Семья, кажется, тайно, но вздохнула с облегчением. Дед Федор и правда в последнее время вел себя странно: вылупив глаза, ярился, орал без повода, срывался на жене, которая и без того чувствовала себя неважно и не находила сил сопротивляться. Саша считала, что отличается завидными нервами, но даже ее терпению пришел конец...

В былые времена в старой, еще сталинской постройке, квартире, а затем и в новой она забиралась с ногами в широкое кресло, под занятные рассказы деда раскладывала пасьянс, читала или выискивала в богатой библиотеке нужные сведения для курсовых и диплома. Словом, отдыхала душой, но с недавних пор это стало невозможно. Истерики без повода учащались, как и нелепая подозрительность. Раньше двери в дедовой квартире держали если не нараспашку, то, во всяком случае, открывали без глупого вопроса «Кто там?», а цепочка и давно болталась без дела. Но некоторое время назад все вдруг изменилось, и, хуже того, изменились и сам дед, и бабушка.

Конечно, Саша где-то понимала мать. С начала замужества у нее не заладилось со свекром. Сашин отец, младший сын деда, в эти конфликты не вмешивался, он вообще старался в семейные проблемы не вникать. Считал, что обеспечивает семью, и это – самое главное. Но в последние месяцы он тоже почти перестал общаться с дедом, и если навещал мать, то в отсутствие отца или вообще отделялся звонками по телефону.

Ни родители, ни дед о причинах конфликта не распространялись, а Саше в принципе было все равно, из-за чего они дулись друг на друга. Деда она всегда любила не меньше, чем бабушку. По сути, она выросла у них на руках, а когда училась в школе, то жила в их семье неделями, потому что вечно занятые родители не особо утруждали себя ее воспитанием.

И поэтому кто лучше ее мог знать, что раньше все было по-другому. Из кухни веяло ароматами домашних пирогов и только что сваренного кофе, раз и навсегда запрещенного деду врачами, но кто их, этих чертовых эскулапов, слушал? А к Сашину визиту бабушка частенько готовила кулинарный кошмар – мясо по-французски, блюдо, от которого истинный француз пришел бы в ужас.

– Вам велели диету соблюдать, – ворчала Саша. – Это ведь сплошной холестерин!

– Вот поэтому я сделала это блюдо не со свининой, а с куриной грудкой, – невозмутимо отвечала бабушка и подкладывала внучке аппетитный кусочек мяса с ладонь величиной. – Ешь, а то совсем отощала! Кожа да кости! Как ни верти, на кости натыкаешься! Чистый срам!

Саша себя тощей не считала, но иногда после бабушкиной отповеди шла к зеркалу, становилась в профиль и критически оглядывала в зеркале фигуру, не находя особых изъянов. Да, грудь маловата, и попа с кулачок, не то что у девчонок с работы, которые к тридцати годам наели такие першероны, что в дверные проемы входили боком. Но дед шутил, бывало, что диеты – происки империалистов. Хотят, подлюки, извести красивых российских женщин. Поэтому прочь кровожадные диеты! Да здравствуют пирожки и мясо по-французски!

Убедив себя в правильной расстановке жизненных приоритетов, Саша показывала зеркалу язык и, взъерошив короткие темные волосы, убегала по делам.

Бабушка таяла и старела на глазах, хотя и бодрилась, и делала вид, что все в порядке, но разносолов на кухне поубавилось. Теперь она варила жиденькие супчики да кашки и частенько, вернувшись из музея, где все еще консультировала и помогала с выставками, без сил падала на кровать. Дед ее усталости не понимал, что-то требовал, раздраженно покрикивал. А она будто боялась чего-то и прислушивалась к шаркавшим шагам в подъезде и прочим шумам за дверями: а ну, как притаились в подъезде враги?

Возможно, Саша преувеличивала, но ей казалось, что у стариков появились какие-то тайны, в которые они не спешили посвящать единственную внучку. Разговоры при ней умолкали, хотя сидела она частенько до упора, и тогда дед, краснея от злости, начинал орать на бабушку без повода, пыхтел, словно закипавший чайник, а та покорно терпела.

У Саши разрывалось сердце от их ссор. Пару раз она рискнула возмутиться, но бабушка вызвала ее на кухню и неожиданно строго сказала:

– Ради бога, не вмешивайся! И дедушку не осуждай! Мы столько лет прожили вместе, так что научились ладить при любых обстоятельствах.

– Ладить? – взвилась Саша. – Ты это называешь «ладить»? – И кивнула на комнату, где дед в приступе гнева расколошматил о пол вазу из чешского стекла.

Бабушка обняла ее за плечи, притянула к себе и, как бывало в детстве, поцеловала в макушку.

– Молодая ты! Видишь лишь то, что на поверхности...

И заспешила к деду, который, ворча под нос, заметал веником осколки вазы на совок.

Но незадолго до бабушкиной гибели Саша не выдержала и назвала деда тираннозавром.

– Что ты набрасываешься на людей, как звероящер? – выкрикнула она в ярости в ответ на его полную яда тираду, направленную, как стрела, в беззащитную бабушкину голову. – И грызешь, и грызешь! Дай ты ей покой, в конце концов!

Дед словно ждал этого взрыва. И мигом переключился на внучку. Он – прежде интеллигентный и сдержанный – бил себя в грудь кулаком, и вопил, и ругался, как базарная торговка. А ее, Сашку, любимую внучку, назвал неблагодарной тварью, напомнив, кто ее вырастил, пока родители занимались непонятно чем. Саша не стала выслушивать до конца гневную рацию и ушла, демонстративно хлопнув дверью. В лифте она немного успокоилась и дала себе зарок не показываться у стариков по крайней мере пару недель, пока дед не прекратит обливать всех желчью. На большее у нее просто не хватало злости.

Вскоре после ссоры Саша уехала отдыхать на Байкал, как раз на пару недель, не ведая, что все печальное впереди. И размышляла, не задержаться ли на пяток дней, но ночью позвонила мать. Саша с трудом разобрала сквозь помехи ее расстроенный голос: «Приезжай, погибла бабушка!» – и мигом перестала что-либо соображать. Она не впала в истерику от горя, не причитала от чувства вины, просто тупо стояла посреди номера, не понимая, что ей делать, как поступить дальше...

Добрая душа и хозяин турбазы – бурят Доржи, которого все называли Жориком, к утру подбросил ее до иркутского аэропорта на собственной машине. К рейсу успели, но билетов на него не осталось. Саша впала в отчаяние: на поезде пришлось бы добираться два дня. Но тут Доржи сбегал к директору аэропорта, от чего мигом нашлось свободное место. На автопилоте она поднялась в самолет и пришла в себя от окрика бортпроводницы:

– Девушка, вы глухая? В третий раз прошу: пристегните ремни!

Дома поплакать толком не пришлось. Саша отпаивала валерьяной мать, души не чаявшей в свекрови. Похоронами тоже пришлось заниматься ей. Отец, и раньше не числившийся в смельчаках, растерялся и, приняв на грудь для храбрости, не просыхал все горькие дни прощания с матерью. Дед же и вовсе точно обезумел. Колючий и злобный в скорби, загнанной вглубь, он не подпускал родню на пушечный выстрел. И как Саша ни пыталась, помириться не получилось. Не сумела признать сердцем, что была виновата, а дед это чувствовал.

И правда, в чем ее вина? Придирки деда – мелкие, но злые и обидные, могли кого угодно довести до белого каления. И, видит бог, она терпела до последнего! Единственно, с бабушкой нужно было попрощаться перед отъездом, обнять, успокоить. Эх, знать бы наперед, что все обернется таким образом! Но в бедах и поражениях люди сильны задним умом, а в том, что случилось, как говорил дед, нет сослагательного наклонения. Правда, это относилось к истории, но какая разница?

Саша старалась найти оправдания, корила себя за черствость и упрямство, но на душе легче не становилось. А после того как ушел из жизни дед, чувство вины и вовсе удвоилось... К тому же она не верила, что бабушка погибла случайно, а дед покончил с собой. Саша перебирала в памяти последние события, сравнивала, анализировала и все больше склонялась к тому, что права в своих подозрениях и нужны лишь несколько пазлов, чтобы сложилась целостная картина преступления.

Но где и как отыскать эти пазлы, она не знала и напрасно ломала голову, пока не вспомнила, что в начале весны дед давал интервью местному щелкоперу Никите Шмелеву, известному своими нападками на местных чиновников и полицию. Помнится, Саша тогда удивилась, что Шмелева, разоблачителя криминала во власти и вне ее, заинтересовала вдруг довольно мирная тема культуры региона, исторического переплетения этносов и религий, в чем дед был большим специалистом.

А статья, которую дед собирался вставить в рамочку, оказалась вполне интеллигентной, без присущих Шмелеву выпадов и ехидных комментариев.

Словом, недолго думая, Саша миновала вахтера, бросившего на нее бдительный взгляд, поднялась на лифте на третий этаж, где располагалась редакция, и стала разыскивать нужную табличку. Она представляла жизнь редакции куда более кипучей, но вокруг было на удивление пусто и уныло, а жизнь, похоже, теплилась только в конце коридора, откуда доносились негромкая музыка и взрывы смеха. Саша направилась было туда, но, скользнув взглядом по табличке на ближней двери, притормозила. «Корреспонденты» значилось на ней, а чуть ниже «Никита Шмелев. Анна Гурова. Сергей Чупров».

Ага, значит, здесь!

За стеной истошно верещал женский голос. Не успела Саша постучать, как дверь распахнулась, и наружу рванулась девица, отчаянно рыжая и коротко стриженная, отчего голова ее смахивала на новогодний мандарин. Лицо «мандаринки» покрывали красные пятна, и она клокотала от злости, точно камчатский гейзер. Чуть ли не размазав Сашу по стенке, девица смерила ее яростным взглядом и ринулась по коридору прочь, влетев, словно торпеда, в открытые двери лифта. Саша замешкалась и снова едва не пострадала: следом выскочил молодой человек лет тридцати – лохматый, небритый, в черной майке с оскаленной волчьей мордой и в шортах цвета хаки.

– Черт! – выругался он сквозь зубы, заметив Сашу, и скривился: – Вы к кому?

– Мне нужен Никита Шмелев, – молвила она и храбро вздернула подбородок.

– Ну, я – Никита Шмелев! Чего надо? – сурово поинтересовался лохматый тип и, засунув руки в карманы, уставился на нее с наглой ухмылкой.

Саше он крайне не понравился – самонадеянный и плохо воспитанный провинциальный «мачо». Таких парней она презирала и знакомиться с ними не спешила. Но тут было не до принципов. И она сделала вид, что наглости не заметила.

– Я знаю, – сказала сухо Саша. – Видела ваше фото в газете. – И не сдержалась, съязвила: – Надеюсь, не очень помешала?

Никита не ответил, преувеличенно тяжело вздохнул и поинтересовался:

– И зачем я вам понадобился?

Саша вынула из сумки сложенную вчетверо газету и сунула ее Никите под нос.

– Месяца три назад вы брали интервью у моего деда, Федора Ковалевского, помните?

Шмелев поскуучнел, на статью глянул без особого любопытства.

– Да, что-то припоминаю... Но Федор... Как его по батюшке?

– Анатоьевич.

– Ага, Федор Анатоьевич, но у него вроде никаких претензий не было. Помнится, даже главному редактору звонил, благодарил... Или что-то обнаружил и спохватился? Так бывает, но статья вышла бог знает когда, я не помню деталей. Но знаю, что грехов моих там нет. Тем более запись беседы сохранилась, можно сравнить с напечатанным вариантом...

Все это Шмелев выдал на одном дыхании, но как-то лениво, видно было, что ему плевать и на претензии, и на жалобщиков, обивавших редакционные пороги.

– Нет, я не по поводу претензий, – отрезала Саша.

Никита ухмыльнулся и широко распахнул дверь кабинета.

– Тогда другое дело. Прошу, проходите! Как, кстати, поживает Федор Анатоьевич?

– Дедушка умер, – быстро сказала Саша и вошла в кабинет.

Никита изобразил скорбь на заросшей щетиной физиономии, но актером он был никудышным, а сочувствие – насквозь фальшивым.

– Правда? Черт! Ну, примите мои соболезнования! – И без перехода спросил: – Как вас зовут?

– Александра, – буркнула она.

– Да, смерть ходит за нами по пятам! – снова опечалился Шмелев, но профессия победила, и он поинтересовался: – Наверно, хотите, чтобы некролог напечатали? Тогда вам в отдел объявлений, это чуть дальше по коридору. Вы простите, что я об этом не знал, но в редакцию никто не сообщил о кончине Федора Анатоьевича. Сами понимаете, жизнь у нас заполошная... Кофе будете? А от чего он умер?

Он одновременно говорил и быстро двигался по комнате: включил чайник, критически осмотрел стоявшие на подоконнике чашки и, не найдя чистой, ополоснул одну водой из бутылки, вылив ополоски в горшок с чахлым аспарагусом. После столь сомнительной процедуры чашка не стала выглядеть чище, но, кажется, Никиту это не смутило. Чайник забурлил и, щелкнув кнопкой, выключился. Журналист ловко разлил кипяток, выудил ложку из стеклянной банки с сахаром, стоявшей там же, на подоконнике, насыпал кофе в чашку и придвинул ее Александре.

Чашка выглядела отвратительно, с засохшими потеками по краям, но Саша взяла ее, чтоб не обидеть хозяина кабинета, сделала для вида пару глотков и сказала:

– Я, собственно, поэтому и пришла. Мне кажется, деда убили.

– Убили? А почему такое кажется?

Никита, похоже, нисколько не удивился. Размешивая сахар, он смотрел на Сашу вроде и сочувственно, но без особого интереса. Поэтому она пояснила более поспешно, чем следовало бы:

– Официальная версия – самоубийство. Но вы, к примеру, способны поверить, чтобы человек в преклонных годах взял и запросто выпрыгнул из окна?

– Ну, всякое бывает. Я плохо знал вашего деда, и что там у него в душе творилось – ему одному известно. Почему вы не верите в версию полиции? Вскрытие было? А следователь что-то объяснил?

Саша покачала головой и раздраженно ответила:

– Было вскрытие, и что из того? Уголовное дело возбудили, но через две недели закрыли. По мнению полиции, типичный суицид, тем более – пенсионер. Кому это нужно расследовать? Закрыли дело, и как с гуся вода! И я, наверно, согласилась бы с этой версией, но за неделю до смерти деда его жена, моя бабушка, попала под машину и погибла на месте. Полиция объясняет самоубийство деда затяжной депрессией, тоской по жене...

– Ну, вот видите...

Никита пожал плечами, и окончательно разозлившейся Саше показалось, что он едва сдерживал зевоту.

– Ничего я не вижу, – сердито бросила она. – Я считаю все очень подозрительным.

– А я ничего подозрительного не вижу. Уж простите за цинизм, Саша, но люди, случается, попадают под машины. Если взять статистику, то количество погибших в результате несчастных случаев на дорогах превышает количество всех прочих смертей. От рака, к примеру, меньше умирает. Ваша бабушка по неосторожности не пропустила машину, водитель ее сбил и... Уехал?

– Да, – поскуцнела Саша и добавила упавшим голосом: – Машину никто не заметил.

Она наконец поняла бесперспективность своей затеи. Что интересного для криминального журналиста в смерти пенсионера? Права, ох, права была мать, когда говорила, что ничего хорошего из ее затеи не выйдет. Саша опустила голову и, чтобы не высказать Шмелеву все, что она о нем думала, отхлебнула еще кофе. А он, не замечая ее состояния, продолжал добивать без всякой жалости:

– Дедуля ваш и впрямь тосковал, наверняка пил горькую и с горя сиганул вниз, а может, случайно выпал, голова закружилась. Ничего странного. Или из квартиры вынесли все-таки золото, бриллианты? А полиция не обратила на это внимания?

– Нет! – нахмурилась Саша. – Ценности остались на местах, да и сколько их было? Пара колец, немного денег да советский хрусталь. Кому сейчас нужен советский хрусталь?

Никита неопределенно пожал плечами и негромко произнес уже без скорбных интонаций:

– Саша, я вам очень сочувствую, но боюсь, ничего необычного в смерти Федора Анатольевича нет. Все вполне обыденно и объяснимо. С чего взяли, что это убийство?

Саша резко поставила чашку, от чего кофе выплеснулся на столешницу. Никита бросил на лужицу быстрый взгляд, но ничего не сказал, только вздохнул. Сашу раздражали его демонстративные вздохи, и поэтому она довольно грубо произнесла:

– Бабушка погибла по пути с работы. Она в музее работала.

– И что?

– Ничего! Только зачем ее понесло на работу вечером, почти ночью?

– Ну, мало ли... Забыла что-нибудь...

– Забыла? И до такой степени торопилась, что не обратила внимания на машину? Никита, надо знать мою бабушку, чтобы говорить такое. Она никогда не переходила улицу, трижды не посмотрев по сторонам, тем более что два года назад она неудачно упала, порвала связки и долго восстанавливалась. Не могла она бежать, не верю. У нее пунктик был насчет дорог. Я когда-то давно едва не угодила под колеса прямо у нее на глазах. С тех пор она боялась. Знаете, какими словами она провожала меня каждый раз? «Через дорогу переходи осторожно!» А какая там дорога? Двор, полупустая улочка, машины редко ездят. Что такое она могла забыть на работе, чтобы возвращаться? Мобильный? Кошелек? Без этого можно обойтись до утра!

Выпустив пар, она дерзко уставилась Никите в глаза. Он, откинувшись на спинку стула, скрестил руки на груди, ничего не отвечая, словно ожидал продолжения, разве что бросил быстрый взгляд в сторону. Она заметила валявшийся среди бумаг диктофон и, воодушевившись, продолжала:

– Вот вы говорите: дед запил от тоски. А он вообще не пил.

– Мог и начать. С горя и не такое бывает.

– Согласна, бывает! Только вам не кажется нелепым, что он напился до чертиков, вымыл посуду, выбросил пустые бутылки, а затем взял и прыгнул из окна. Попробуйте представить эту картину. Старик с радикулитом, решив покончить с собой, тащит табурет, отодвигает стол, открывает окно, протискивается сквозь створку и прыгает. Не слишком ли сложно? Кстати,

он упал на бетонный козырек подъезда, а это чуть в стороне. Он что, в полете отклонился от маршрута?

– Саша, что вы от меня хотите? Вам не к кому больше обратиться? – раздраженно спросил Никита. – Идите в прокуратуру, в ФСБ. Ваш дед был известным человеком, должны отреагировать!

Навалившись на стол, Саша сложила перед собой руки, как примерная ученица, угодила локтем в лужу с кофе, но не обратила на это внимания. Шмелев откровенно ей не нравился, и все же она сдержалась и вполне искренне произнесла:

– Вы – лучший криминальный журналист города. И вы знали деда.

Ох, не только дед был тщеславен! Шмелев мигом сменил тон и сказал важно, но более дружелюбно:

– Допустим, я – лучший журналист, но, честное слово, у меня нет ни малейшего желания заниматься вашим делом. И без того полно работы. Боюсь, что ничем не смогу...

Саша бесцеремонно его прервала:

– Вы помните свое интервью?

– В общих чертах. Шелковый путь, наследие предков, картины, иконы и прочие раритеты...

Он скривился, махнул рукой, показывая, что все это ему неинтересно. Саша выдержала паузу и, смерив его победным взглядом, сообщила:

– Я не сказала вам одну вещь. После смерти деда я не нашла в квартире никаких записей: ни дневников, ни писем, исчезли вместе с коробкой, где они лежали. Не осталось ни черновиков его научных статей, над которыми он работал в последнее время, ни самих статей. А это, вы мне поверьте, непросто вынести незаметно.

– А если он уничтожил их перед смертью? Сжег или порвал в клочья, а после спустил в мусоропровод?

– В квартире, что ли, сжег? На костре? И порвать не мог. Говорю же, у него был сильнейший радикулит. Он даже на лестничную площадку в последние дни не выходил. Отец накануне у него был, продукты приносил и мусор забрал. Никаких клочков не заметил. Впрочем, полиция и давно ничего не нашла. У деда был тайник в стеллаже, где он хранил все бумаги. Так вот, когда я его открыла после похорон, он был пуст...

Глава 4

После ухода посетительницы Никита еще долго сидел на месте, перебирал никчемные бумажки и прихлебывал остывший дрянной кофе из черной кружки, на боку которой красовался знак Козерога. Кружка была чужой, и знак чужой, но куда делась его родная, с Овном, Никита не знал. Кочевали кружки по всей редакции, бились, уезжали на пикники, с которых не возвращались. Да и не велика ценность этой посуды, закупленной оптом на День защитника Отечества женской частью коллектива. Главное – не подарок, главное – внимание.

Покопавшись в полицейских пресс-релизах, Никита тяжело вздохнул. Рутинные дела, заметки из рубрики «Нарочно не придумаешь». Ничего интересного, пустяки.

Кроме одного, да и то с натяжкой. На горизонте вновь проявился Кощей – городской сумасшедший, неведомо как раздобывший форму сотрудника ДПС. Тощий, нескладный дылда караулил своих жертв у железнодорожного переезда, свистел, махал полосатым жезлом, представлялся по форме, проверял права, а затем долго и нудно объяснял, какие правила нарушил водитель. В качестве наказания Кощей использовал дырокол, которым пробивал водительские удостоверения и техпаспорты, а после настоятельно требовал отправить машину на штрафстоянку.

Пару недель назад Кощей кто-то нешуточно отлупил. Дурачок попал в больницу, отлежался, но снова вышел на охоту и оштрафовал не кого-нибудь, а Балахонцева – главу местного Роспотребнадзора, мужика поганенького, только чудом уцелевшего на должности после коррупционного скандала. Балахонцев Кощей в лицо не знал, заплатил штраф и только потом ему рассказали, что тощий раздрыга в сигнальном жилете – ряженный псих. Смехота! Но на полноценный материал не потянет. Так, легкий пинок наглому чинуше всего-то в тысячу знаков.

Не слишком воодушевил даже очередной виток скандального дела художника Кречинского, супруга местной акулы пера Верочки Гавриловой. Кречинский еще осенью позволил увековечить свой живописный шедевр «Святогор» на пачкепельменей, а затем, науськанный женой, подал на производителей в суд, мол, договора не было, налицо самовольство и плагиат. Самое смешное, что при разборе обстоятельств дела выяснилось, что плод вдохновения Кречинского до удивления схож с картиной американского художника Крейга Теннанта.

Верочка, конечно, доказывала, что это реминисценция, Кречинский убеждал, что изображать «Святогора» на пачкахпельменей не разрешал. Пресса потихоньку потешалась, печатала рядом оригинал и копию, что доводило Веру и ее флегматичного супруга до иступления, эксперты, вооружившись лупами, сравнивали полотна, а судья ломал голову, присудить ли Кречинскому два миллиона морального вреда или виртуоз кисти обойдется двадцатью тысячами? Или вообще – обойдется...

Смешно! Но на одну колонку. Кроме того, скандал всем приелся и прежнего восторга не вызывал. Что там еще? Парочка убийств по пьяной лавочке (в мусор сразу!), отобрали мобильник (тоже в мусор!), успешный рейд приставов по розыску злостных неплательщиков алиментов – разве это серьезно для еженедельной криминальной полосы? Но что делать? Лето, а летом городская жизнь замедляет свой бег, обрастает паутиной лени, настоянной на жаре. Голая неделя – бывает такое, вот только номер сдавать нужно каждую пятницу.

Шмелев отбросил бумаги, и они разлетелись по столу. Настроение было ни к черту! Еще эта бабья истерика...

Ветер распахнул створку окна, Никита чихнул и подумал, что эпопею со Светкой надо заканчивать раз и навсегда. Ведь разбежались прошлым летом, три месяца даже не перезванивались. Нет, по осени вернулась, вешала о неземной любви и рыдала взахлеб. И он смалодушничал, рассиропился, пожалел. И началось все по новой!..

Случись разрыв зимой, когда его рыжая пассия не помышляла о ЗАГСе и не подыскивала тайком свадебное платье, все обошлось бы без лишнего срама. Но он прошляпил тот момент, поленился, пустил ситуацию на самотек и вот дожид до того, что Светка стала изводить его придирками и ревностью, будто законная жена...

После недавней выходки, когда она запустила в него тарелкой, приревновав к коллеге Гуровой, Никита твердо решил: надо расходиться, благо официально отношения не оформили, детей не родили, общего имущества не нажили, а терпеть ее капризы сутки напролет стало уже невмоготу.

А как хорошо все начиналось два года назад! Дома – чистота, порядок, обед из трех блюд, с непременною салфеточкой, на которой лежали начищенные до блеска приборы. Просто бальзам на сердце одинокого мужчины! Никаких быстрых перекусов, никакой яичницы прямо со сковородки. Цветные простыни из белорусского хлопка исчезли, на смену им легли белоснежные итальянские. С телевизора пропала пыль, а на подоконнике, где громоздились старые журналы, внезапно появились цветочные горшки с капризными орхидеями, фарфоровые цветки которых покачивались на длинных ножках во время бурных занятий любовью.

Но через месяц-другой, когда счастье от котлеток из парного мяса отошло на второй план, когда накрахмаленные простыни и стерильная чистота квартиры перестали его радовать, Светлана стала тяготить Никиту своими запросами. Она умело противостояла любому давлению и отлично знала, как перетянуть одеяло на себя. Изящная нимфа, идеальная жена – все это исчезало, погребенное истериками и требованиями, которые сплелись в одну нить: ей нужен надежный мужчина, за которым можно спрятаться как за каменной стеной, и в то же время слабовольный тюфяк – им должно руководить, не прибегая даже к кнуту. А когда это не получалось, Светлана переходила на визг, запросто взвываясь на две октавы.

Она возомнила, что невероятно хрупка и нежна, старательно играла роль светской львицы, копировала манеры из сериалов, наряды – из гляцевых журналов, хотела, чтобы ее холили и лелеяли, требовала трепетных чувств и постоянного внимания. Скандалы вспыхивали из-за любой ерунды или, как сегодня, очередная дурость на пустом месте, но Светка не поленилась притащиться на другой конец города. Видите ли, не поцеловал на прощание, когда уходил на работу. То, что она дрыхла в тот момент, никакого значения не имело.

– Ты ведешь себя не по-мужски, понимаешь? – орала Светка и, закатив глаза, вставляла словечки из саквоая *femme fatale*¹³, но с пережатым трагизмом и потому насквозь поддельные. – Отвратительно! *Невыносимо!*

Вспоминая о том бедламе, который она учинила в кабинете, Никита морщился и думал: «К черту колебания! Пора бежать от этой дуры с крейсерской скоростью! Жить с ней просто невыносимо!»

Он уже понял, почему Светка стремилась быть разной: то отстраненной и жесткой, то вдруг бросалась в объятия, осыпала ласками и поцелуями. Словом, попался, как пацан, на коварную приманку для мужчин, которым не терпится постичь тайны женского разума.

«Скрыта истина под маскою игры
(она там, верно, тихо дремлет до поры),
А изменить игру в любой момент не поздно...» –

всплыли вдруг в голове строки, явно кого-то из поэтов Серебряного века, и Никита вновь подивился своей способности извлекать из небытия кое-что из университетской программы. С ним это иногда случалось, особенно в компании редакционных барышень.

¹³ Роковая женщина (*франц.*).

Тут он с неожиданным удовольствием вспомнил внучку покойного профессора, на глазах которой и разыгралось это позорище, – длинноногую, тонкокостную брюнетку с красивой стрижкой. Хотя многое увидеть она не успела, но слышать Светкины вопли слышала. Это Шмелев понял по взгляду, которым его одарила Саша.

Никита хмыкнул и отыскал взглядом диктофон. Странно, но он как-то выпустил из виду смерть Ковалевского. Хотя удивительного ничего нет. Спасаясь от семейного счастья, Никита умотал на трехдневный семинар по взаимодействию СМИ с властными структурами, на котором много рассуждали о свободе слова и ответственности журналистов перед обществом, о высокой нравственности и патриотизме. В итоге никакой новой и полезной информации он не почерпнул. Обычная говорильня: надо бороться, надо доказывать, мы не допустим и прочие бла-бла-бла. Но прожить три дня без Светкиных затей, с редкими звонками, во время которых требовалось убедить, что скучает, что ждет не дождется и первым же поездом мигом примчится обратно, казалось невероятно привлекательным. Смерть Ковалевского пришлось именно на то благословенное время, а к возвращению Никиты к родным пенатам если и была какая-то шумиха, то за выходные улеглась.

Интервью с Ковалевским он вообще не должен был делать – не его тема. Но в самый ответственный момент, когда Анька Гурова договорилась со стариком и даже заявила материал в номер, ее увезли с приступом аппендицита. Прямо из палаты, за четверть часа до операции, она позвонила Шмелеву и слезно попросила сходить на адресок:

– Радость моя, умоляю! Дед – противный, я его неделю уламывала, шеф добро дал, а через неделю эта статья будет нужна как рыбе зонтик.

Никита пообещал. В город приезжала делегация из Казахстана, и на этой почве было бы неплохо осветить общие вехи в истории двух стран, связанных не только Советским Союзом, но и более древними нитями. Что ж, коллегу нужно было выручать! Никита поехал к Ковалевскому, побеседовал, кивая в нужных местах с заинтересованным видом, и даже статью выдал вполне пристойную, выбросив ее из головы тотчас, как была поставлена последняя точка. Но дед погиб, а его роскошная внучка настаивала, что его убили. Дескать, из квартиры исчезли все бумаги профессора...

Бред? Или не бред? А если не бред, что же такого загадочного было в записях Федора Анатольевича Ковалевского?

Никита придвинул ноутбук и, покопавшись в папках, нашел интервью с профессором. Нацепив наушники, он нахмурился и нажал кнопку «Воспроизведение».

Глава 5

«... Вот вы, молодой человек, говорите – культурный пласт региона. А хотя бы отдаленно понимаете, откуда он взялся, этот пласт?»

Не понимаете?

А я вам расскажу. И даже продемонстрирую документально, хотя, конечно, подлинников в доме не держу, но с вас и копий будет. А они, поверьте, сделаны в архивах, часто закрытых от иной публики вроде вас. Не обижайтесь, пожалуйста, но журналист по большому счету – это даже не профессия... Но ни слова об этом. Давайте о культурном пласте.

Городок наш, между прочим, расположен в весьма примечательном месте. Если позволите сравнение, я бы сказал – это распустье, перекресток. Что вы сказали? Географическая задница? Хм... Грубовато, но, пожалуй, вы правы.

По большому счету город издревле являлся перевалочным пунктом, этаким караван-сараем, сначала на пути завоевателей, затем купцов, а потом – ссыльных и переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток. Вам ведь известно, что недалеко от города проходили одна из артерий Шелкового и отвилка Чайного путей?

Поэтому определенный набор культурных артефактов область получила сначала от тех самых купцов, что тащили свои шелка из Китая через наши, а затем казахские степи к Каспийскому морю. Как вы понимаете, далеко не все доходило до пункта назначения. Кто-то оставался сам, кто-то из-за болезни, кто-то просто не выживал в силу разных причин. Немало товаров было разграблено по пути разбойниками, что-то распродавали сами купцы. Порой в запасниках провинциальных музеев среди кучи ветхого барахла можно обнаружить необыкновенные вещи... Мда! Необыкновенные...»

– Шмелев! – резкий голос ворвался в сознание даже сквозь наушники. – Что происходит? Где материал?

Никита отвел взгляд от экрана и с недоумением уставился на тщедушную особу, которая вдруг возникла в его кабинете. Глаза ее сквозь толстые линзы очков метали молнии и, казалось, прожигали насквозь. Ответственный секретарь! Кара небесная за лень и разгильдяйство!

– Танюшечка Матвеевна! – Никита вскочил с кресла и лъстиво улыбнулся. – Я же всегда готов! Тржусь в поте лица, аки раб на галерах! Как пчелка нектар собираю!

– Пчелка! – фыркнула ответсек. – Волчара ты, Шмелев! А вот я – негр на плантациях. Даю час! Не будет материала, я тебя четвертую, нет, на органы продам! Ты слышишь? Сама выпотрошу!

Профессор продолжал что-то бормотать в наушниках, но Никита слушал вполуха: если ответственный секретарь сама заявила в кабинет, значит, номер горел ясным пламенем.

– Кровожадная вы женщина, Татьяна свет Матвеевна! Но вот люблю я вас, и ничего тут не поделаешь! – Он ухмыльнулся, преданно посмотрел ей в глаза. – Два часа! И материал у ваших ног!

Ответсек вздохнула, сняла очки и протерла линзы платочком.

– Шалопут! И когда уже повзрослешь?

И, нацепив очки на нос, направилась к выходу из кабинета. На пороге остановилась и сердито бросила:

– Телефон включи! Не дозвонишься!

Никита проводил ее взглядом и снова плюхнулся в кресло, прикинув, что дедовской говорильни осталось на полчаса, а ту лабуду, что звалась криминальной сводкой, он обрабатывает за час. Правда, особо выбирать не придется, но что поделаешь, если даже операция МЧС по спасению кота из водосточной трубы летом превращается чуть ли не в сенсацию.

Он глянул на счетчик времени. Ага, десяток минут, как с куста! Но возвращаться не стал и вновь окунулся в рассуждения профессора.

«...позже наш городишко, тогда еще просто узловая железнодорожная станция, стал местом, куда стекались разные люди, из разных краев, разумеется, не по своей воле. А как иначе? Кто бы потащился в эту глушь с суровым климатом, долгой зимой и коротким, часто незаметным летом, проклятым гнусом и далеко не самой плодородной почвой? Но в то суровое время, когда на Москву шел Гитлер, Сталин принимал превентивные меры, чтобы в тылу врага не оказалось нацистских пособников. Немцы Поволжья, финны, прибалты, западные украинцы, поляки... И знаете, в чем-то Сталин был прав. Известно, что при ведении войны фашисты практиковали предательский маневр: взрыв в тылу воюющей стороны, как это было с «пятой колонной» в Испании, с изменой хорватов в Югославии.

Вы пейте чай, пейте... О чем я? Ах да...

Знаете, был такой генерал-лейтенант Павел Мешик, возглавлял НКВД Украины в предвоенное время. Так вот он, помнится, написал Хрущеву, в бытность того первым секретарем ЦК КП(б) Украины, докладную записку с предложениями по ликвидации баз украинских националистов. Минуточку, где мои очки... А, вот... Слушайте:

«...Материалы, добытые в процессе агентурной разработки и следствия по делам участников «Организации украинских националистов» (ОУН), в том числе воззвания и листовки организации, свидетельствуют о том, что во время войны Германии с СССР роль «пятой колонны» немцев будет выполнять ОУН. Эта «пятая колонна» может представить собой серьезную силу, так как она хорошо вооружена и пополняет свои склады путем переброски оружия из Германии.

Так называемый революционный провод ОУН, руководимый Степаном Бандерой, не дожидаясь войны, уже сейчас организовал активное противодействие мероприятиям Советской власти и всячески терроризирует население западных областей Украины...»

Но генерал Мешик не успел разгромить бандеровское подполье, началась война. Тем не менее накануне ее в нашу область прибыли сотни семей так называемых националистов. А это как минимум четыре тысячи человек, которых выдернули из родного дома и повезли бог знает куда, почти в нечеловеческих условиях, опять же под дулами винтовок. Много ли они могли забрать? Вряд ли. Времена были тяжелыми, ссыльных беззастенчиво грабили, а оставшиеся ценности они частенько меняли на еду и одежду. И вот так порой и всплывали в наших архивах вещи, которым не место было здесь. Никак они не могли оказаться тут в обычных условиях. После войны снова наплыв ссыльных из западных областей – семей тех же бандеровцев, «лесных людей» из Прибалтики, крымских татар. Попробуй разберись, кто из них был реальным врагом, а кто просто попал под раздачу. Мешик, кстати, не избежал участи врага народа. Его арестовали и расстреляли в 1953 году, когда он был министром внутренних дел Украины. Но, если признаться, темная там история...

Говорят, что его элементарно сдал Хрущев. Ведь при нем после смерти Сталина практически прекратилась борьба с бандеровским подпольем, самый удачливый из ликвидаторов Павел Судоплатов получил тринадцать лет тюрьмы, а многие бандиты вышли на свободу по амнистии. И Крым – откупная Хрущева за годы правления Украиной, за расстрел в тюрьме львовских ээков...

Впрочем, это уже другая тема!»

Никита хмыкнул. Надо же, и здесь Украина! Честно сказать, Шмелев, считавший себя циником и прожженным негодяем, нежданно-негаданно ощутил в себе прилив патриотизма, иногда даже ввязывался в свары в социальных сетях и порой бился не на жизнь, а на смерть с таким же диванным бойцом по другую сторону виртуального фронта, прекрасно понимая, что убеждать того бесполезно. Но открыто в своих симпатиях к Отечеству никогда не признавался. Впрочем, и пристрастия к европейским ценностям тоже не выказывал...

Никита тряхнул головой. Черт, опять что-то пропустил в интервью. От скуки сводило челюсти, клонило в сон, но взялся за гуж, слушай до конца!

«...Еще чайку? – Голос профессора звучал доброжелательно, значит, корреспондент не зевал откровенно и слушал заинтересованно. – Или, может, кофе? Я, признаться, давно приистрастился к нему, и даже врачи не смогли убедить, что мне вредно. А вы знаете, те, кто пьет кофе регулярно, на тридцать процентов реже болеют сахарным диабетом? Ну, теперь вот знаете... Жаль, что на онкологию не действует...»

Несколько раз звякнула ложечка, дед, видно, размешивал сахар, а затем продолжал в той же тональности:

«...А вы говорите, культурный пласт. Не стоит забывать, что наша, российская культура в большей степени зиждется на православной духовности, оттого столь мощный натиск она претерпела со стороны Запада в девяностые годы. И надо признать, понесла большие потери. Опять же для мало смыслящих поясню: речь не только и не столько о верованиях и церкви, сколько об основах культуры – почему и называл Лаппо-Данилевский цивилизации культурно-историческим типом. Не пытайтесь здесь цепляться к словам, вам непонятым в своей полноте, но прочитайте для начала Лаппо-Данилевского.

Наши либералы все прекрасно понимают, потому и числят православие своим главным врагом в деле переименования России. Только они лукаво не сообщают, что если отказаться от православных основ нашего культурно-исторического типа, то в европейцев мы все равно не превратимся. Но русскими быть перестанем. Переродимся в манкуртов – идеальное для современного капитализма стадо жвачных, которыми любой телевизор может управлять... Этого желают либералы, но они забывают о том, что об этом мечтали и большевики, когда пытались создать «нового человека».

Как говорил мой учитель профессор Зимогорский: «Запад не зря противостоит русской духовности. Православный, когда крестится, поворачивается на Запад и говорит: «Отрекаюсь от сатаны и в него плюю!» Сатана сейчас атакует землю святой Руси и Киев, мать городов русских и колыбель православия. А нам надо молиться о мире, умягчении злых сердец. Что бы там ни вещали поборники западных ценностей, но Запад – олицетворение зла, молодой человек. Истинная духовность – на Востоке...»

Никита выключил диктофон. Нет, ничего интересного в этой записи нет! Ни единой зацепки! Ну какие могут быть зацепки в рассуждениях о зле и духовных ценностях? Из-за этого не заканчивают свою жизнь самоубийством! Но отчего-то профессор ведь выпрыгнул из окна? Или не выпрыгнул?

Тут его взгляд упал на часы. Никита охнул и, мигом забыв обо всем, принялся наконец за криминальную сводку... Правда, поставив последнюю точку, подумал, что зря, наверно, повел себя с Сашей по-хамски. Было в ее глазах что-то этакое, необъяснимо загадочное! И тут же рассердился на себя. Хватит! Надо завязывать со Светкой, и поэтому ну их, бурные романы, подальше, а профессорскую внучку тем более!

Глава 6

Саша едва ли не приплясывала от нетерпения на глазах у старух, которые оккупировали ближние лавочки и зорко присматривали за внуками на выпасах детской площадки.

Звонок Шмелева оказался для Саши полной неожиданностью. Она уже не надеялась на его помощь и прикидывала в уме, куда пойдет дальше: в прокуратуру или, может, имеет смысл сразу к губернатору обратиться, чтобы расшевелить полицейских? Однако в глубине души Саша сомневалась, что кто-то всерьез будет копаться в деле погибшего пенсионера, пусть даже именитого, известного своими историческими исследованиями. Покончил с собой, и ладно, всякое в жизни случается, зачем статистику портить?

Тем не менее Саша держалась, загоняла внутрь тоску, старательно взращивала ярость, настраиваясь на долгую борьбу с правоохранителями, а затем как-то раскисла, сдулась и про-рыдала весь вечер, жалея бабушку с дедом, родителей и почему-то себя.

Шмелев позвонил поздно вечером, когда она лежала в ванне, и без всяких церемоний предложил встретиться.

– Конечно! – воскликнула Саша. – Когда угодно! Хоть сейчас!

– Сейчас уже поздно, – хохотнул он в трубку, а затем добавил озабоченным тоном: – Давайте завтра с утра! Хочется мне все на месте проверить...

– Вам тоже смерть деда кажется странной? – осторожно спросила Саша. – Или вы что-то узнали?

Никита проямлил в трубку нечто невнятное и торопливо попрощался. Саша забралась обратно в ванну и, погрузившись в теплую воду, как нильский крокодил, по самые ноздри, задумалась. Холодок в голосе Шмелева ее неожиданно насторожил.

Семья Саши в общем-то не могла похвастать тесными семейными связями, дружелюбием и желанием встать за родню горой в случае какой-то беды. Теток по отцовской линии Саша не любила, и родители особо с ними не общались.

– Дед всех отвадил! – как-то в сердцах сказала мать. – Он никогда ни с кем не церемонился, только с тобой и ладил.

Она горько махнула рукой, а затем, посидев с минуту, неожиданно добавила:

– И правильно сделал, что отвадил. До смерти надоели, нахлебники!

У Сашиного отца были две старшие сестры – Людмила да Зоя, которые не пошли ни в историки, как отец, ни в искусствоведы, как мать. Людмила выучилась на бухгалтера, Зоя работала ветеринаром на птицефабрике в соседнем городке. Обе в один голос заявляли, что в гробу видели пыльные манускрипты и всех художников со скульпторами, вместе взятых.

– У меня профессия денежная, не то что у вас, бумажки перебирать, – говорила Людмила.

– Вот еще, – кривилась Зоя, – сидеть в музее и стареть! Я уж как-нибудь тут, с курочками, яичками...

Пока вертелись ржавые колеса советского локомотива, тетки не бедствовали. Людмила, кстати, самая наглая, крутилась вместе с мужем: пускала налево топливные талоны, списывала со складов новую спецодежду, садовый инвентарь и тачки, которые охотно разбирали дачники. Зоя же таскала с фабрики не только яйца и тушки кур, но и творог с изюмом, которым в определенные дни подкармливали тучных бройлеров.

Словом, обе жили, не тужили до тех пор, пока не грянула перестройка, перемолов безжалостными жерновами и завод Сашиного отца, где он трудился главным механиком, и склады Людмилы, и Зоину птицефабрику.

Об отце и матери Зоя и Людмила вспомнили, когда в холодильниках, кроме льда, ничего не осталось. Обе забежали к старикам перекусить, поплакаться на тяжелые времена и выпросить немного денег.

После краха страны тетки так и не оправились, жили средненько и еще какое-то время наведывались в гости, пока дед, выпятив грудь, сурово не отчитал обеих. И позже, если теткам и перепадали деньжата, то с такими нравоучениями и нотациями, что обе постепенно забыли дорогу в отцовский дом. Но об этих распрях Саша знала только по рассказам матери, так как родилась как раз в год развала Союза. Бабушка помалкивала, дед тем более подобных разговоров не заводил...

Сердце мучительно сжалось, как всегда, когда в памяти всплывали лица ее любимых стариков. Она резко взмахнула руками, вода плеснула в лицо. И Саша фыркнула от негодования, вспомнив вдруг, как тетки в поте лица искали завещание, обшаривали каждый угол квартиры. Саша, оглушенная смертью деда, безучастно смотрела, как они роются в вещах, поминая почившего родителя совсем не добрыми словами. Ни Сашу, ни ее родителей завещание особо не интересовало, так же как и вещи деда. Все трое отнюдь не бедствовали. То, что принадлежало бабушке – альбомы по искусству, несколько старинных икон и украшения, они успели забрать еще до нашествия теток. И теперь наблюдали за ними с плохо скрываемым пренебрежением.

– Налетело воронье! – едко прокомментировала мать. – Глянь, сейчас из-за копеечных часов подерутся...

Завещание скоро нашли. Оно лежало на полке в обыкновенном конверте, и тетки просто смели его на пол и едва не затоптали. А когда разобрались, что к чему, чуть ли не с кулаками набросились на Сашу и ее мать. Оказывается, дед и квартиру, и дачу, и все, что находилось в них, оставил внучке. Скандал случился грандиозный. После пришлось отпаивать и мать, и теток валерьянкой. Завещание окончательно разделило родственников на два враждующих лагеря. Странная смерть деда и гибель бабушки отошли на второй план, и только Саша продолжала горевать о потере любимых стариков и до сих пор винила себя, что не почувствовала, не помогла, не предотвратила...

Ожидая журналиста, Саша выхаживала перед подъездом туда-сюда, как маятник, и вспоминала деда: не того сварливого старика, каким он был последние полгода, а прежнего, любителя обстоятельно перекусить, накормить внучку оладьями, которые она соглашалась есть только в обмен на сказку. Дед довольно крякал и расправлял пальцем усы, только его сказки вовсе не походили на сказки. Не было в них ни волшебства, ни фей с каретами из тыкв, ни хрустальных башмачков, хотя принцев и принцесс имелось в избытке. Жили венценосные герои деда не в какой-нибудь Выдумляндии, а в странах, которые она затем находила на карте, а чуток повзрослев, на уроках истории вдруг узнавала старых знакомых с непростыми судьбами.

Еще неизвестно, размышляла Саша потом, кто больше получал удовольствие от этих историй: она или дед, который нашел наконец благодарного слушателя...

Чтобы избавиться от горечи, которую вызывали воспоминания, она стала пересчитывать голубей, что слетелись на площадку перед домом. Бабулька с первого этажа высыпала пакет пшена, голуби ринулись в атаку, создав кучу-малу, а Саша раздраженно отвернулась: пустое занятие, все равно что считать овец перед сном. На душе было тревожно: вдруг в последний момент Шмелева отвлекут более важные дела и он не сможет приехать? Взглянула на часы, до назначенного им времени оставалось пять минут. Она отошла в сторону, чтобы голуби в пылу сражения за пшено ненароком не спикировали на голову, и присела на край железной оградки.

Тревога не оставляла, а ожидание превратилось в мучение. И тогда Саша загадала: если Шмелев не опоздает, значит, она на верном пути.

Глава 7

Шмелев подъехал к подъезду минута в минуту, на «Фольксвагене» немислимо желтого цвета, небритый, в еще более дикой футболке кислотно-зеленого цвета с розовой надписью «I like Goa», в джинсах с дырками на коленках, вызвав тем самым жгучий интерес у бабок. Саша заторопилась навстречу, и они обменялись сдержанными приветствиями. Шмелев сразу выудил из кофра тяжелый фотоаппарат с длинным объективом и несколько раз быстро, почти не целясь, сфотографировал двор, чем окончательно переполошил старух. Озабоченно взглянув на них, Саша потянула Никиту за руку к подъезду.

– Я так благодарна вам, – быстро сказала она.

Шмелев повесил фотоаппарат на шею, закрыл объектив крышкой и поинтересовался с явным ехидством в глазах:

– И за что ж вы мне *так благодарны*?

– Хотя бы за то, что выслушали, – смутилась Саша. – Приехали ведь...

Никита прищурился и неожиданно добродушно предложил:

– Саша, я вроде ненамного старше. Может, на «ты» перейдем? Или неудобно?

Она торопливо и даже радостно закивала.

– Нет, нормально! Давай на «ты»! Я хотела предложить, но стеснялась. Ты все-таки личность известная. Откуда мне знать, какие у вас, акул пера, тараканы в голове?

Никита дернул плечом, скривился, мол, брось церемонии, а затем задрал голову и даже немного попятился, разглядывая окна. Саша заметила, что он шевелил губами, видно, считал этажи. Она махнула рукой в сторону подъезда.

– Там он лежал. На козырьке.

– И что тогда получается?

– Получается, что спрыгнул из кухонного окна, но каким-то образом при падении отклонился в сторону. Тебе не кажется это странным?

На лице Шмелева ничего не отразилось. Он сдернул болтавшиеся на вырезе майки солнечные очки, нацепил их на нос и, приставив ладонь козырьком ко лбу, стал увлеченно разглядывать небеса.

– А куда балкон выходит? – спросил он.

– На противоположную сторону.

– Пойдем, посмотрим!

– Зачем?

– Затем! Я не стану исключать версию самоубийства, как бы ты ни уговаривала. Может, там кусты под окнами, и он боялся, что жив останется? Или детская площадка, и он... того... Не хотел на глазах у детишек...

Подтянув двумя пальцами джинсы за шлевки для ремня, Никита вразвалочку стал обходить дом. Саша потопталась на месте, раздраженно что-то пробормотала и двинулась следом, ощущая спиной взгляды старух.

За домом Никита снова задрал голову и стал выискивать нужный балкон, пока Саша нетерпеливо не подсказала, какой именно принадлежал деду. Но даже после этого Шмелев не успокоился: долго ходил под балконом, поддевал носком спортивных туфель мелкий гравий, беспрестанно щелкал затвором фотоаппарата и многозначительно хмыкал, по мнению Саши, просто выпендривался. Она терпела минут десять, а затем рассердилась:

– Видишь, нет тут кустов! Такой же асфальт, как и на той стороне, а еще автомобильная стоянка. И детской площадки тоже нет, она во дворе. Да и какие дети ночью?

– Ночью?

Саша закусила губу, а затем неохотно призналась:

– Это случилось рано утром, но никто не видел, как он упал...

В носу защипало, и она торопливо отвернулась от Никиты, а тот, бросив на нее взгляд, как ни в чем не бывало спросил:

– А кто тело обнаружил?

Бессердечный, безжалостный человек! Саша с негодованием подумала, что первое впечатление оказалось обманчивым, а сегодняшнее легкое очарование журналистом растаяло, как пломбир на жаре. Поэтому она довольно сухо произнесла:

– Сосед с третьего этажа. Вышел утром на балкон покурить и увидел. «Скорую» он вызвал и полицию, кажется. У него можно спросить, только я не знаю, дома он или нет.

– Давай-ка в квартиру поднимемся! – предложил Никита, явно не обратив внимания на ее тон.

Саша повеселела и направилась к подъезду. Теперь-то можно будет ткнуть его носом в пустой тайник и указать на пару несурзностей, которым просто не место в квартире ее ненаглядного деда, пусть по какой-то причине и возненавидевшего весь белый свет.

У лифта им попала соседка, та, противная, с кривошеим бульдогом. Саша все забывала, как ее зовут, а вот имя пса помнила. Пуся! Идиотское имя для собаки. И порода идиотская!

Соседка первой протиснулась в лифт, а собаку пристроила в угол кабины. Поздоровалась она сдержанно, но посмотрела на Сашу и Никиту с нескрываемым любопытством. Пес, притиснутый к стене мощной дамской ногой, вздыхал, шевелил влажным носом и смешно дергал ушами-лопухами, но агрессии не проявлял.

Саша вышла из лифта и оглянулась. Так и есть, соседка высунула голову из кабины и без всякого стеснения подглядывала за парочкой. Никита тоже бросил взгляд через плечо, ухмыльнулся и неожиданно попытался обнять Сашу за талию. Та отбросила его руку, а соседка, закатив глаза от возмущения, отпрянула в глубь кабины. Двери захлопнулись, лифт зашумел и пополз вверх, остановившись этажом выше. Саша, стараясь не смотреть на Никиту, открыла дверь ключом и впустила журналиста в дедову квартиру.

– С таким радаром никакой взломщик не прошел бы незамеченным, – небрежно прокомментировал Никита, пока они топтались в узкой прихожей, снимая обувь. – По-моему, она сейчас всему дому раззвонит, что ты привела в дом мужика. Видела, у нее уши больше, чем у пса? Подобные тетки – кладезь информации. Надо будет с ней потом отдельно потрын-деть... Как быстро ты в квартире оказалась?

Резкий переход от небрежного тона к деловому на миг выбил Сашу из колеи. Она растерянно заморгала, не понимая, что он имеет в виду, но, сообразив, произнесла:

– Утром. В начале девятого. Мне мама позвонила, а ей полиция сообщила. Я еще до работы не успела добраться...

Она распахнула дверь в гостиную и пригласила:

– Проходи!

Никита прошелся по квартире, по-свойски заглядывая во все углы. Саша привалилась к косяку и решила ему не мешать. Только Никита, похоже, и без того не обращал на нее внимания: щурился, фотографировал и даже, встав на четвереньки, заглянул под стол. И только что носом не водил от усердия, как соседский бульдог. Наконец, выбравшись из-под стола, он отряхнул ладони и спросил:

– Квартиру вместе с мамой осматривали?

Саша покачала головой:

– Нет! Полицейские ее скрупулезно проверили в присутствии мамы еще до меня. Замок не сломан, ценности оказались на месте, я тебе говорила. А вот архив пропал. Мама о тайнике ничего не знала, да и дедовы бумаги ее мало интересовали. Это я выяснила, когда приехала. Полиция к тому времени уже слиняла.

– Архив? – Шмелев почесал лохматый затылок. – Точно, дед твой при мне доставал документы из толстенных папок с завязками. И что, ничего не осталось? Где он, кстати, хранился?

Саша прошла в комнату, открыла стеллаж и выдвинула среднюю полку, показывая углубление, незаметное на первый взгляд.

– Кое-какие бумажки остались в столе, ерунда, почеркушки всякие. А папки лежали здесь. Видишь, полочка тут хитрая. Если не знаешь, не найдешь! Тайник мастер делал по чертежам деда. Можешь проверить!

Никита поднял брови, хмыкнул и с опаской сунул руку в тайник, точно в медвежий капкан или по меньшей мере в мышеловку. Рука ушла вглубь почти по локоть. Не нащупав ничего, кроме дна из фанеры, Шмелев озадаченно посмотрел на Сашу и кивнул, мол, правду сказала – пусто! Затем, наблюдая за тем, как она возвращает полку на место, недоуменно спросил:

– Зачем он прятал бумаги? Архивные данные сейчас почти в свободном доступе. Хочешь копать глубже, получи допуск и работай сколько душе угодно. Думаю, у профессора не было проблем по этой части.

– Дед просто впадал в безумие, если дело касалось его драгоценных бумаг, а в последнее время паранойя только обострилась. Я с детства знала о смертельной каре, которая ждала всякого, кто посмел бы тронуть любую бумажку из тех, что кучей валялись на его письменном столе. Знаешь, у меня сложилось впечатление, что дед раскопал нечто такое, от чего и вовсе сошел с ума. Чувствовала, что очень хотел поделиться, но словно опасался чего-то и молчал.

– Опасался? Чего в его возрасте можно опасаться? Только инсульта! – усмехнулся Никита, но понял по лицу Саши, что ей не понравилось, и уже серьезно поинтересовался: – Ты не заметила ничего подозрительного, когда появилась в квартире?

Саша бросила беглый взгляд по сторонам и пожала плечами.

– Ничего вроде, за исключением того, что мой ревматический дед выбросился из окна. Разве что чашки?

– Чашки? – удивился Никита. – Что в них особенного?

Саша не ответила, прошла на кухню и вынула из буфета обыкновенную чашку из советского фаянса – красную в белый горох, и поставила на стол. Никита, как попугай, склонив голову набок, ждал объяснений.

– Дед постоянно чай гонял и кофе пил по утрам, а чашки мыть ленился. Даже бабушка за ним не убирала. Не потому что они были неряхами. Просто какой смысл мыть, если через час снова будет пить чай? На письменном столе всегда стояла дежурная чашка, и на кухне тоже имелась эта вот, в горошек.

Никита окинул чашку разочарованным взглядом.

– И что из того?

– У деда усищи были, как у Чапаева. На чашке все время потеки оставались. А тут, глянь, чашка чистая.

Никита фыркнул.

– Ну, знаешь ли, мог и вымыть.

– Мог, конечно. Но почему тогда на место не поставил? Такие вещи до автоматизма доходят. Чашка должна бы стоять или на письменном столе, или в мойке, или на тумбочке. А она оказалась в шкафу, да еще задвинута в дальний угол. Явно не дед ее убрал. Дежурные чашки для него чуть ли не фетишем являлись. Да и мыть их он не особо старался. Быстро ополаскивал под краном, и вся недолга! Внутри постоянно оставался коричневый налет, а тут, сам посмотри, идеально чистая чашка.

Никита вздохнул и оперся о холодильник, который тут же затрясся, затарахтел, как порожний самосвал.

– И ты по чашке сделала вывод, что произошло убийство?

Саша устало покачала головой, села за стол и, подперев голову рукой, уныло сказала:

– Архив пропал, Никита. И бабушка как-то неожиданно побежала на работу. Почти в полночь! Зачем?

Шмелев поморщился и яростно поскреб подбородок, от чего под ногтями затрещала щетина, будто щепкой провели по забору.

– Допустим, он решил совершить самоубийство...

– Допустим, – покорно согласилась Саша.

Никита прошелся по кухне, продолжая размышлять вслух:

– Но тогда требовалось забраться на подоконник, что было проблематично с его радикулитом...

– Да, табуретка стояла под окном. А москитная сетка – возле холодильника.

– Выходит, он снял сетку?

– Или он, или кто-то другой, кому эта сетка мешала! Глянь, там кронштейны тугие. Дед никогда не справлялся, сетку я ставила, да еще мылом смазывала пазы. Вдобавок справа у сетки сломаны крепления. Очень неудобно и ставить, и снимать. Я пару раз чуть ее не уронила. А дед, получается, снял, спустился с подоконника, аккуратно прислонил к холодильнику, а затем снова забрался на окно и – вниз? Заметь, нужно еще изловчиться, чтобы в створку протиснуться. Не многовато ли действий для старика с больной спиной?

Никита подошел к окну, повертелся так и этак, словно примеривался, как сподручнее пролезть сквозь узкую створку, затем поднялся на цыпочки и глянул вниз.

– Да, высоковато! – и мрачно посмотрел на Сашу. – И все-таки мог он и сетку снять или на крайняк соседа заранее попросить. А архив ночью выкинуть на помойку. Бессонница мучила, достал бумаги, почитал, пришел к выводу, что жизнь прошла мимо, собрал их в кучу и – на свалку. До помойки недалеко, вполне мог сползать, даже с радикулитом. Но я бы не сбрасывал со счетов и несчастный случай. Предположим, он вывалился случайно. Вдруг ему душно стало, сердце прихватило, вот и решил сетку снять... Или окно захотел помыть. Только эти версии и вовсе на грани фантастики. Нет ведь ни тазика, ни тряпок. Да и кто моет окна ночью? Но убийство...

Никита развел руками, а Саша моментально вскипела:

– Ты до сих пор не веришь, что его убили?

– Мне верить по должности не положено, – вздохнул он в ответ. – Мы ведь не только под богом, но и под статьей ходим. Накатаю я материал о том, что известного историка убили, а меня потом в суд потянут за клевету. Не тыкать же мне чистой чашкой судьбе в морду? Пока версия о самоубийстве самая убедительная. Кто, кстати, унаследует эту чудную квартиру?

Очередной скачок его мыслей сбил Сашу с панталыку. Красная от злости, она смотрела на него, сжав кулаки, и не сразу сообразила, о чем он ее спрашивает, но ответила:

– Дед на меня оформил завещание. А почему вдруг ты спросил про квартиру?

– Просто так, – равнодушно ответил Никита.

Вложив в слова все презрение, на которое только была способна, Саша процедила сквозь зубы:

– Да? А мне показалось, ты намекаешь на то, что наследник вполне мог выпихнуть дедушку из окна.

Глаза у Никиты странно блеснули, и он делано рассмеялся.

– И не думал намекать, но спасибо за идею. Между прочим, довольно банальную.

Саша сжала кулаки.

– То есть я могла убить старика из-за квартиры, которая мне и так досталась бы любому?

Шмелев расплылся в довольной улыбке.

– Что тут странного? Из-за квартир вообще убивают почему зря. Хочешь, расскажу историю, когда контролер, которая снимала показания счетчиков, на пару с любовником прикончили одинокого деда, а квартирку попытались продать?

– Большое спасибо. Прямо-таки огромное, но – нет, не хочу. А твои подозрения по меньшей мере некорректны. С какой стати тогда я в газету помчалась? Сидела бы тихонько полгода, посиживала, пока завещание не вступит в силу...

– Мало ли... Следы заметала.

Саша хотела сообщить ему, что заметить следы в принципе бессмысленно, если деда признали самоубийцей, но передумала – много чести для мерзавца. Как же она ошиблась, поверив ему! У парня ничего святого за душой. Наглец и пронира! Лохматый, в мерзкой майке и пошлых джинсах с дырками!

Она отвернулась и стиснула зубы, чтобы не заплакать на глазах у циничного и наверняка продажного журналюги.

Никита молча наблюдал за ней – обиженной и беззащитной. Ему хотелось сказать, что он пошутил и на самом деле ничего плохого не подумал. Но понял, те слова, которыми он утешал Светку, здесь не подходят. Поэтому он присел рядом и накрыл ее руку ладонью. Но Саша, не поднимая головы, резко выдернула ее. Сейчас она напоминала воробья – взъерошенного, замерзшего, которого следовало бы прижать к груди, согреть дыханием...

Никита потянулся к девушке, но вовремя спохватился и лишь грубовато спросил:

– Чего надулась?

– Ничего я не надулась! – отмахнулась Саша, уставившись в столешницу.

Но голос ее дрогнул, и Никита понял, что она вот-вот заплачет.

– Нет, надулась, я вижу, – продолжал он настаивать.

Саша подняла голову, сверкнула сердито глазами.

– Не говори ерунды! – И не очень приветливо предложила: – Чай будешь пить?

– Чай? – протянул он неуверенно. – Ну, давай чай, а я подумаю...

Пока закипал чайник, а Саша расставляла на столе чашки, Никита молчал и выводил на столешнице пальцем одному ему видимые узоры. Саша поглядывала на него, но расспрашивать не решалась. Получив свой чай, Никита, не проронив ни слова, стал прихлебывать из чашки, грызть карамельки и попутно хмуриться. Минут этак пять он изображал угрюмого сфинкса, уставившись взглядом в одну точку. Судя по всему, в его голове туго, но проворачивались какие-то шестеренки. Саша терпеливо ждала, даже выпила подряд две чашки чаю, но наконец не выдержала.

– И чего надумал? – спросила она.

Никита поднялся.

– Пойду на балкон. Там мы еще не были.

Балкон – небольшой, чистенький, практически пустой – ненадолго привлек внимание Никиты. Он быстро огляделся по сторонам, бросил взгляд вниз, осмотрел низкую деревянную скамейку, пепельницу, забитую окурками, а потом, опершись на перила, уставился на соседний дом. Саша снова не выдержала и, устроившись рядом, жалобно спросила:

– Так и будешь молчать?

– Странно как-то, – медленно произнес Никита. – И балкончик не застеклен, и скамейка вон под рукой. Я думал, у стариков твоих балкон, как у всех, бараклом завален, потому он в окошко и прыгнул. Но тут же нет ничего! Только прекрасный вид на стоянку.

– И что с того?

– Ты случайно не узнавала, не произошло ли в ту ночь на стоянке что-нибудь необычное?

Саша пару мгновений молчала, а затем, видно, сообразив, почему он задал этот вопрос, пожала плечами:

– Даже в голову не пришло.

– А я подумал, – самодовольно улыбнулся Шмелев и поинтересовался: – Стоянка охраняется?

– Не знаю точно. Но будка стоит, выходит, там кто-то сидит.

– Стопроцентно сидит! К тому же она неплохо освещена, а охранник в будке вполне мог не спать. Если твоего деда убили, становится понятно, почему его не выбросили с балкона. Это могли заметить со стоянки: охранники, хозяева машин, согласись, они там спуют порой всю ночь. Надо бы поинтересоваться! – сказал Шмелев и озабоченно потер лоб.

– А я что говорила! – обрадовалась Саша. – Конечно же, его убили!

– Рад бы разделить твой оптимизм, но не будем бежать впереди паровоза, – сказал Никита, а затем с неохотой добавил: – Пошли, до стоянки прогуляемся. Еще бы к ментам сходить. Как-то быстро они все на самоубийство списали.

Журналист направился к выходу из квартиры, и Саше ничего не оставалось, как следовать за ним...

Глава 8

К стоянке, втиснутой между домом и оживленной проезжей частью, они подходили медленно и все это время почти не разговаривали. По дороге сновали автобусы и легковые автомобили. Никита крутил головой по сторонам и то и дело намеревался вытащить из сумки фотоаппарат, но всякий раз одергивал себя. Не надо лишний раз привлекать внимание.

У въезда на стоянку, в тени небольшой будочки, обшитой сайдингом, сидел на лавочке охранник в оранжевой жилетке, обмахивался газетой и с отрешенным видом притоптывал в такт песенке, что лилась из динамиков:

Таганка, я твой бессменный арестант,
Погибли юность и талант в твоих стенах...

Никита чуть заметно поморщился, а Саша, заметив это, усмехнулась:

– Не любишь шансон?

– Не люблю? – удивился Никита. – По правде, не выношу блатную романтику. Страдалицы, черт бы их побрал! Прямо тебе жертвы режима! Не урки, а институтки слезливые! А вот, пойдешь ты, полстраны на эту муть посадили.

– А если в твоей машине магнитола включить, что она запоет? – улыбнулась Саша.

– Готика! – расплылся Никита в ответной улыбке. – Еще блюзы, очень я это дело люблю и уважаю. Хотя всякое там, даже народные песни есть...

В этот момент они подошли к входу на стоянку.

Охранник – кряжистый мужик лет пятидесяти, с наголо бритой головой, шрамом на подбородке и расплюснутым носом, заметив их, поднялся с лавочки и насторожился.

– Здравствуйте! – радостно улыбнулся Никита.

Однако охранник, узрев кислотную майку и рваные джинсы, решил, что доверия данный субъект не заслужил.

– Здоровее видали, – невежливо буркнул он под нос, а Сашу даже не удостоил взглядом.

Она смерила грубияна негодующим взглядом, но решила на хамство не нарываться и с независимым видом стала осматривать стоянку, обнесенную невысоким железным забором.

Место, по всем признакам, было лакомым. Удивительно, но его до сих пор не оттяпали местные чинуши для постройки очередного супермаркета. Тут и сносить почти ничего не пришлось бы. Выдерни забор, вырой котлован, и, пожалуйста, еще один источник пополнения бюджета и собственного кармана. Разве только сквер, примыкавший к дальнему концу стоянки, пришлось бы пощипать, а то и вовсе вырубить, но когда такие пустяки останавливали власти?

Сквер этот Саша помнила с детства. Заросший сиренью и акацией, с газонами и цветниками, удобными лавочками и причудливыми фонарями, тенистый и уютный, он привлекал сюда пенсионеров и мамочек с детьми. По вечерам здесь собирались шахматисты и доминошники, по дорожкам катались на роликах подростки, а любителей пива и семечек исправно разгонял строгий дворник дядя Вова. Когда-то он воевал в Афганистане и выходным считал единственный день в году – второе августа, когда запирал в каптерке метлы, лопаты и грабли, ставил на прикол мини-трактор с прицепом и надевал тельняшку и голубой берет.

Словом, сквер был чем-то вроде тихой заводи среди автомобильных бурунов бескрайнего моря городских улиц. И случись что, Саша не сомневалась, защитников у сквера нашлось бы немало.

Но сейчас она смотрела на него с тихой грустью. Дед не часто, но спускался в сквер, чтобы сразиться в шахматы с давними соперниками. Вон беседка, где проходили его баталии с местными гроссмейстерами. Вон тропинка, по которой бабушка ходила на работу, а она, совсем еще

девочкой, в школу. Вон зеленая маковка музея и узкий проулок, в котором Ирину Ковалевскую сбил неизвестный водитель. Саша прикинула, могли ли что-нибудь заметить охранники стоянки, и вздохнула: вряд ли. Далеко, да и кусты разрослись так, что почти закрывали обзор. Интересно, полицейские тут побывали? Или даже головы не стали морочить, мол, от стоянки все равно ничего не видно?

А дом? Можно ли отсюда разглядеть, что происходит на балконах четвертого подъезда?

Саша мгновенно нашла взглядом дедушкин балкон и оценила сообразительность Никиты на пять с плюсом. Сама она ни за что не додумалась бы пойти на стоянку и расспрашивать угрюмых охранников.

Никита бросил быстрый взгляд на видеокamеры, установленные по периметру стоянки, и так же быстро спросил у охранника:

– Вы здесь постоянно дежурите?

Охранник сплюнул на землю и презрительно скривился:

– С какого перепуга я должен отвечать всякому...?

В его глазах ясно читалось «придурку» или того хуже, но Шмелева, похоже, хамство не смутило.

– Так и у нас вопрос на четыре слова! Двадцатого мая вы дежурили?

Маленькие глазки охранника, казалось, пробуравили Шмелева насквозь.

– Если что-то пропало, мы за барахло не ответчики, – сказал охранник. – У нас вон даже объявление висит: за оставленные в машине ценные вещи администрация ответственности не несет. Мало ли что!

– Мы по другому вопросу. – Никита просто источал миролюбие. – Вспомните, пожалуйста, не случилось ли в тот день на стоянке или поблизости чего-то, что могло бы вам запомниться?

Никита ловко извлек из кармана красную корочку с золотым тиснением «Пресса» и помачал ею перед лицом охранника. Тот нацепил на переносицу очки, внимательно изучил удостоверение и неожиданно с пафосом произнес:

– Без комментариев!

Саша вытаращила глаза и неприлично фыркнула, настолько комично это прозвучало. Никита, наоборот, слегка раздраженно спросил:

– Чего вы боитесь? Нам ваша стоянка без надобности, и работа ваша без надобности, пусть даже «Хаммер» губернатора спалили или колеса стырили. Я говорю, мы – по другому поводу.

Охранник почесал бритый затылок и поинтересовался:

– А вы, случаем, не по тому жмуру, что из окна выпал?

Саша вспыхнула, подалась вперед, но Никита наступил ей на ногу и смерил грозным взглядом. Она зашипела от боли и злости одновременно, но отступила за его спину, мысленно пообещав припомнить журналисту все его выходы.

– Да-да, из-за жмура. Недавно это случилось, может, вспомните что-то?

Охранник пожал плечами.

– Не я дежурил, сменщик. Я через сутки заступил. Мы по двое суток через двое дежурируем.

– А сменщик ничего интересного не рассказывал? Ну, например, машину никто не пытался угнать? Или, может, сигнализация всю ночь орала? Или хулиганил кто?

– Ничего он не рассказывал. Надо, так у него и узнавайте.

– А телефончик не дадите? – с надеждой спросил Никита, но охранник только покачал головой.

– Не дам! Не положено! Выйдет на работу послезавтра, вот и пытайте его сколько влезет, если, конечно, захочет с вами разговаривать.

Тут он снова почесал затылок и неожиданно разоткровенничался:

– Серега – мужик серьезный. Лишний раз рта не раскроет. Ему бы в разведку.

– А вам? – ехидно поинтересовалась Саша. – Можно в разведку?

Охранник глянул на нее недобро, тщательно сложил газетку и вошел в будку, захлопнув за собой дверь. В динамиках резко усилился звук, а мужской голос затянул тоскливо, со слезой:

А белый лебедь на пруду
Качает павшую звезду...

– Молодец ты! – уныло похвалил Никита. – Теперь он фиг чего сообщит, даже если знает.

– А что я такого сказала? – обиделась Саша. – Кто виноват, что слова из него клещами тянуть надо? Вот если бы денег предложили, тогда бы, наверно, соловьем заливался.

– Ну и предложила бы денег, если лишние есть! – огрызнулся Никита и пожал плечами: – Зачем платить, если можно получить даром? Станешь покупать информацию, без штанов останешься! Принципиально никому не плачу, все – своими мозгами! – и постучал по лбу костяшками пальцев. – Абсолютно все! – и вздохнул. – Черт, упрямый дядька попался! Или сидел, или бывший вояка. Таких хоть к стенке ставь, будут молчать!

На этот раз он, похоже, искренне опечалился. Наверно, потому, что редко терпел поражения.

– Ну, отрицательный результат тоже результат. – Саша довольно неуклюже попыталась утешить Никиту, но тот лишь отмахнулся.

– Какой отрицательный? Вообще никакой. Ладно, попробую к ментам сгонять. Ты не помнишь, кто проводил осмотр квартиры?

Саша пожала плечами.

– Помню, конечно! Дедок там был пузатенький, кучерявый, вроде эксперт. Все ковырялся, осматривал, фотографировал. Еще девушка-следователь, – она повертела пальцами перед лицом, – блондинка такая, неухоженная. Мария... или Марина. Позже вторая тетка-следователь приехала. Очень неприятная. Тощая, с серым лицом, голос прокуренный. И полиция была. Участковый и еще один – майор.

Никита закатил глаза, а считать его вздохи Саша давно перестала.

– Мария, Марина, дед кучерявый, тетка серая... Ну, очень полезная информация!

Саша обиделась.

– Можно подумать, мне до того было, чтобы их запоминать. Но фамилию полицейского знаю. Миронов!

– Кирилл?

– Вроде Кирилл. У меня в блокноте все фамилии записаны и телефон Миронова, только я его с собой не взяла. Как-то не подумала, что пригодится. Я вообще фамилии слабо запоминаю. Вот лица, образы – другое дело, это профессиональное.

– А-а-а, понятно! – протянул Никита. – У меня – наоборот, на цитаты, знаешь, какая память? – и потер лоб, словно припоминая нечто важное. – Все забываю спросить. Чем ты занимаешься? В смысле, кто по профессии?

– Искусствовед. Дед настоял, чтобы в наш университет поступила. Я послушалась и совсем не жалею об этом.

Звуки шансона со стоянки слышны были даже возле подъезда. Из динамиков, как бурный поток, лились страдания воровской души:

Он вбежал к ней, как сойка влюбленная,
Наконец-то мы, Роза, с тобой,
А она ему финкой каленою
В грудь уда-а-арила за упокой...

Среди деревьев мелькала женская фигура с бульдогом на поводке, который хрипло сопел и таскал хозяйку по газонам. Сашу и Никиту соседка не заметила, иначе притормозила бы, чтобы насладиться созерцанием парочки.

Никита остановился рядом с «Фольксвагеном». Он явно не собирался подниматься обратно в квартиру и, судя по его лицу, совершенно потерял интерес к погибшему профессору и, конечно же, к его нерасторопной внучке.

Бросив сумку с фотоаппаратом на сиденье, он повернулся к Саше и с равнодушным видом сообщил:

– Если Миронов тот, про которого думаю, то знаю, где его искать. И дедуля курчавый тоже знаком. Это, по ходу, Дмитрич, хороший дядька. К нему проще подъехать. Он потрепаться не дурак, но это на крайний случай. Сперва лучше с Мироновым поговорить, хотя как сказать? Он на меня зуб имеет.

– За что?

– Да вот за то и имеет! Лезу, куда не просят. Ладно, чего встала? Поехали!

– К Миронову? – удивилась Саша.

– Нет! Для начала – в музей. Ты узнавала, зачем бабушка приходила туда в неурочное время?

Саша растерялась еще больше и пожала плечами.

– Н-нет! Понимаешь, не до того было, – сказала она упавшим голосом и отвернулась. – И насколько это важно, если она погибла на улице?

Шмелев удрученно покачал головой, дескать, как все запущено. Но Саша этого не заметила, потому что достала платочек, промокнула слезы, выступившие на глазах, и быстро глянула на часы.

– Уже седьмой час. Рабочий день закончился.

Никита чертыхнулся, выудил из кармана мобильный и разочарованно развел руками.

– Да, действительно! Но ничего не поделаешь, значит, навестим музей завтра.

Он исподлобья глянул на Сашу.

– Может, в кафешку заедем? Перекусим?

– Нет! – ответила она. – Поднимусь в квартиру. Кажется, мы забыли закрыть балконную дверь.

– Как хочешь, – особо не расстроился Шмелев и, открыв дверцу машины, отсалютовал ей рукою: – До встречи! – И уже из окна улыбнулся: – Улицу аккуратно переходи! Не глазей по сторонам! И с балконами будь осторожнее!

Саша проводила «Фольксваген» недоуменным взглядом. Что это было? Пошутил или реально о ней беспокоится? Думает, что ей тоже угрожает опасность?

Она постояла несколько мгновений до той поры, пока машина Никиты не скрылась за поворотом, и оглянулась на подъезд. Ей страшно не хотелось возвращаться одной в квартиру. Но тут налетел порыв ветра, разметал ветки деревьев, а на лицо упали холодные капли. Саша подняла голову: из-за дома напознала черная туча. Она глухо ворчала, а в недрах ее мелькали сполохи молний. Саша метнулась к подъезду, краем глаза отметив, что тетка с бульдогом уже на опасно близком расстоянии. Все-таки в лифт она успела первой. И злорадно усмехнулась, когда дверцы захлопнулись перед носом соседки, а кабина плавно пошла вверх.

Глава 9

То ли нюх у Никиты был, словно у гончей, то ли он заранее подсознательно настроился на скандал, но тот не преминул грянуть, стоило ему, брэнча ключами, пересечь порог родной квартиры.

Светка ждала его в коридорчике, привалившись плечом к косяку двери. Руки она скрестила на груди, а подбородок вызывающе смотрел вверх, что означало: «Пощады не жди!»

– И где ж тебя носило? – осведомилась она.

В голосе ее слышались близкие раскаты грома, а покрасневшие глаза выдавали, что она совсем недавно плакала. Бросив на нее косой взгляд, Никита пробурчал:

– У меня вообще-то ненормированный рабочий день, чтоб ты знала!

Он повел носом, надеясь уловить вкусные кухонные ароматы, но в квартире ничем подобным не пахло. Светка тщательно усвоила: того, кто провинился, – не кормят, и этот метод воздействия Никита давно на себе испытал. Зная, что в любом случае окажется виноватым, он забегал в кафе или перекусывал по дороге бутербродами, лишь бы в животе громко не урчало. Но к сегодняшней баталии он оказался неподготовленным. Разувшись, он тотчас юркнул в ванную. Правда, скрыться от Светки оказалось непросто. Она распахнула дверь и начала с порога орать, срываясь на визг:

– У всех нормированный, у тебя одного ненормированный! Между прочим, я к тебе на работу звонила! Ваша Матвеевна сказала, что ты еще в четыре умотал с концами!

– Волка ноги кормят! Слышала такую поговорку? Ко мне это тоже относится!

Никита задернул шторку, но она тут же отъехала в сторону.

– Относится? – заорала Светка так, что Никите захотелось уйти под воду с головой. – То есть я должна сидеть, волноваться, думать, куда ты уехал, а потом весь вечер наблюдать, как ты долбишь по клавишам? Позвонить трудно было?

– Не начинай, а? И так башка трещит! – Никита повернулся к Светке спиной и включил душ.

Светлана отступила, но не сдалась. Она продолжала что-то кричать, но Никита задвинул шторку и, подставив лицо под прохладные струи, мрачно думал: расходиться, только расходиться, сколько можно тянуть кота за неизбежное?

Когда он вышел на кухню, Светка сидела в углу, на диванчике, грызла печенье и демонстративно разглядывала стену, на которой, впрочем, не было ничего увлекательного. При его появлении она даже ухом не повела и голову резко отвернула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.